

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 13 (864)

5 марта 1940 г., вторник

Цена 30 коп.

Сегодня в номере:

У стр. ПЕРЕДОВАЯ. Новые люди, Н. КОЛЕСНИКОВ, Золотые руки, (Одноактная пьеса, получившая первую премию на Всесоюзном конкурсе). ЗА ПЯТЬ ДНЕЙ, Информация.
2 стр. А. ГЕРРА. По указке Уола-Стрита. Ф. КНЯЗЕВ. Справедливая оценка. ИНФОРМАЦИЯ.
3 стр. ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПОРЫ. В. КИРПОТИН. История и современность. В. ЕРМИЛОВ. Г. Лукач и советская литература. Г. ЛУКАЧ. «Победа реализма» в освещении прогрессистов.
4 стр. НК. МОСКВИН. Напоминание о герое. КОНСТАН-

ТИН СИМОНОВ. Из стихов о Востоке (Монголия). МАРИЭТА ШАГИНЯН. Поэтика Шевченко.
5 стр. МИХАИЛ ШОЛОХОВ. Тихий Дон. (Глава из VIII части романа). М. ГУС. Раздумье и действие. В. ФОРМЕНКО. В поисках смеха.
6 стр. А. УСМАНОВ. Эпос башкирского народа. С. И. Советское литературоведение за год. В. Г. Одноактные пьесы П. Языкова. СРЕДИ ЖУРНАЛОВ. Историк-марксист. ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ Д. И. Стахеев. ПАМЯТИ В. Р. ГРИБА. ИНФОРМАЦИЯ. «Батарейцы» В. Шурьгина. Драматургия кино. ХРОНИКА. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Новые люди

«Это совершенно новые люди», — сказал о передовых женщинах колхоза товарищ Сталин.
Трудно поверить, что всего двадцать два года тому назад доля русской женщины еще определялась горькими словами Некрасова:
И первая доля: с рабом повечаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться.
Как много сил и незаурядных способностей, мужества и героизма заложено в женщине, показала всему миру страна социализма.

Обычные летчики Гризодубова, Раскова и Оспенко, любимые сестры и дочери нашего народа, известны всему миру. Женщины — отважные героини, получившие высокие награды за доблесть и мужество, проявленные в борьбе с бософиннами, — это гордость нашей родины.
Женщина — государственный деятель, изобретатель, ученый, академик, высокоодаренный артист, писатель, художник — это не редкость и не случайность в нашей свободной стране. К этим вершинам советская женщина идет уверенно и закономерно, потому что творческим силам ее открыт широкий простор, потому что ее берет и выращивает государство, народ и партия.

Героичей преданностью, органической глубокой любовью отвечает женщина своему народу и партии. Она с гордостью и мужеством опирается на мужей, братьев и сыновей на защиту священных границ своей родины, она смело идет навстречу опасности, она готова встать в первые ряды бойцов. Советская женщина знает, что ее народ и армия несут счастье и освобождение человечеству.

Женщина сталинской эпохи — источник мужества и надежд, дерзаний и стойкости для женщин всего мира. Самые непроницаемые стены не смогут заглушить ее высокие призывы, самые высокие заграждения не помешают ей протянуть женщинам, задыхавшимся в беснующейся реакции, руку помощи для борьбы с вновь организуемым массовым убийством трудящихся.

Женщина социалистического государства показала всему человечеству, что она уверенно, не оглянувшись, идет к вершинам, которые веками считались для нее неприступными.
Войдя своего народа она встала у кормила государственной власти. В депутаты Верховного Совета СССР, союзных и автономных республик избрано 1625 женщин, среди депутатов местных советов их — 422.279.

Советская женщина доказала, что ей доступны самые сложные профессии, которые раньше считались только достоянием мужчин сил и мужского ума.
Число женщин-инженеров во всем капиталистическом мире едва достигает десяти тысяч, тогда как в одной нашей стране их сто тысяч.

Девушек, получающих высшее образование в двадцати двух капиталистических странах, в два с лишним раза меньше, чем в одной стране социализма.

Нигде за рубежом нет женщин, управляющих паровозом. В нашей государственной промышленности, в тысячах заводских цехов и на многих из них успешно, ти в чем не уступающая мужчинам, а порой и опережая его, ведут работу.

На станции Батуми все восемьдесят основных работников — женщины: грузинки, аджарки, русские. Эти женщины ни разу не нарушила графика, не знает ни одной аварии, и книга отзывов ее полна благодарностей.

В Долине новой жизни (так названа недавно открытая нефтеносная площадь) работают первые женщины бурлачицы.

Дублер старевающей Татьяны Ипполитовны, помощница старевающей Ларисы Феоктистовны не только сами уверенно встали в первые ряды металлургов, но и вовлекли в свои бригады других женщин.

Таких выдающихся цифр и фактов можно было бы привести очень много.

Женщина сталинской эпохи идет смело, дерзновенным шагом вперед. На на-

ших глазах формируется новый человек, которого не знала ни одна страна и ни одна эпоха.

Задача художника «изучать, оформлять и тем самым утверждать новую действительность», так сказал гениальный Горький.

За теми цифрами и фактами, которые характеризуют стремительный рост освобожденной женщины, кроется свой особый мир, разнообразные, сложные и яркие индивидуальные отношения. Возникают не только новые отношения к труду, но и к человеку, к другу, к ребенку, к товарищу.

Резко меняются за последние годы отношения женщины и девушки. Их все чаще характеризует глубокое, чистое и бережное чувство. Женщина научилась уважать свое достоинство и во многих случаях стала опорой мужчинам.

В совместной жизни предъявляются все более и более строгие требования. Для них уже недостаточна бытовая, пусть даже самой добросовестной заботы о семье и самой трогательной интимной любви. Оправданным становится тот брак, в котором мужчина и женщина не только любят, но и обогащают друг друга духовно, помогают взаимному росту.

Новая женщина-мать понимает, что ребенку недостаточно лишь забот о физическом здоровье. Перед ней стоит ответственная задача коммунистического воспитания детей. Умная мать знает, как сложить, приложить и хрупкое душевное мир ребенка, какой бережности, ума и чуткости он требует к себе с самых младенческих лет.

Новая женщина стремится к тому, чтобы стать не только матерью, но и близким другом своего ребенка и его товарищем.

Наша действительность знает много таких примеров.

И наряду с этим в психологии женщины и в отношениях мужчины к ней еще многое осталось от прошлого. Из его устойчивых и тонок.

Мы еще часто принимаем за новое ту фальшивую свободу и независимость в отношениях, которые культивировало буржуазное общество. Мы еще не всегда различаем коммунитарную или половинную любовь, в основу которой заложены человеческая дружба и взаимное уважение мужчины и женщины. У нас далеко еще не изжиты застенчивость, а порой и открытое неверие в силы женщины, высокомерная спихивательность к ней, ревность мужчины к успехам женщины на одном с ним поприще. Живы еще робость и неуверенность самой женщины.

Все это часто не видно простому глазу. Тем более на эти очень сложные стороны жизни должен обратить внимание художник.

Сумела ли наша советская литература изобразить и оформить все эти стороны нашей действительности, показать то новое, что растет и развивается в ней, и предостеречь от старого, что пока плетется за жизнью из прошлого.

К сожалению, справедлив еще упрек Горького в том, что литература «плохо замечает быстрый процесс духовного роста женщины, роста ее внутренней свободы». «Это плохой признак», — говорит Горький, — это признак старинного мешочного консерватизма». За последние годы драматургия, кино и художественная литература все ближе подходят к образу женщины сталинской эпохи. Мы видели обязательный и правдивый образ современной женщины в замечательном фильме «Великий гражданин». В ближайшие дни увидим новую женщину в фильме «Член правительства». Повесть запомнится волнующий образ нашей современницы в «Записках» Марины Расковой. Есть и еще близкие и понятные нам женские характеры в советской литературе. Но как всего этого еще мало и как все это еще недостаточно глубоко по сравнению с тем, что дала жизнь, и как много важных, неотложных и неразрешенных задач повстанца перед советским писателем женщины социалистического государства.

Л. Пеньковский, С. Липкина и В. Звягинцева.

Будут также сделаны доклады об истории художественного перевода и о русском оригинале как объекте перевода. Об авторском праве применительно к переводчикам рассказывает С. Шевелев.

В настоящее время, по инициативе бюро национальных комиссий, во всех братских республиках происходит творческое соревнование поэтов в переводе стихотворения Пушкина «Памятник». Лучшие переводы будут привезены поэтами в Москву и рассмотрены на лабораторных занятиях по стихотворному переводу.

На курсы-конференцию придут 35 писателей, среди них: тт. Доронин (Кюми), Семенов (Умуртия), Шнитке (АССР немцев Поволжья), Янгас (Чувашия), Джангозов (Адыгея), Из Крыма приедет тов. Мухамедов, из Кабардино-Балкарии — тт. Теунов Хачим и Кулиев, из Чечено-Ингушетии — тт. Кагерманов и Омаров, из Дагестана — тт. Сулейманов и Башишев, из Якутии — тов. Виткоцкий, из Молдавии — тов. Опри, из Башкирии — тов. Нитмат, из Татарии — тов. Хабиб Габдулла, из Мордовии — тт. Мартынов и Карасев, из Туркмении — тов. Дурдыев.

Курсы-конференция переводчиков

15 марта в Москву на курсы-конференцию переводчиков художественной литературы съедутся писатели со всех братских республик. Работа конференции продлится 20 дней. Помимо обычных для курсов-конференций творческих встреч с мастерами искусства, посещения театров и музеев, переводчики прослушают ряд лекций и докладов и посвятят несколько занятий лабораторной работе над переводами и над составлением подстрочников. Вступительную беседу о художественном переводе проведут К. Чуковский и Г. Сердюченко, который делает также доклады «Белинский марксизм — о переводах» и «Белинский, Добролюбов и Чернышевский — о переводе».

О языке оригинала и перевода прочтут лекции проф. Н. Дмитриев и О. Румер. Проф. В. Грифонов и А. Федоров делают доклады о переводе художественной прозы, Г. Шенгели — о переводе стихов и С. Шершвинский — о переводе драматургических произведений.

Беседу о переводе труднопереводаемых слов и выражений (идиомы, договорки, местные выражения, образы) проведут А. Федоров и Г. Сердюченко. В этой беседе примет участие П. Антокольский,

ЗОЛОТЫЕ РУКИ

ОДНОАКТНАЯ ПЬЕСА, ПОЛУЧИВШАЯ ПЕРВУЮ ПРЕМИЮ НА ВСЕСОЮЗНОМ КОНКУРСЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
АНТОН РЫБАЛЬСКИЙ — колхозник,
ЕКАТЕРИНА РЫБАЛЬСКАЯ — его жена, звеньевая колхоза,
СТЕПАН ГУЛЯЕВ — директор завода,
ЮЛЬКА,
НИКОЛАЙ КАВУН — председатель колхоза,
ПРОФЕССОР.

Сцена: Просторная комната в новой избе. Вскан бы не русская печь, по обстановке можно бы принять эту комнату за городскую. В «переднем» углу — обеленый стол, накрытый клеенкой, стулья, у стен — скамейки. Из остальных вещей обращают на себя внимание: солидный буфет, комод с зеркалом, У печи — кухонная утварь, самовар. Широкое окно на улицу дает много света. Одна дверь — в соседнюю комнату, другая — в сенях.
Жара. Июнь. Праздничный день.

*(На сцене — Антон и Екатерина. Она — у печки возится с самоваром, он — «слезушится» около нее.)

АНТОН. К чертовой матери такую жизнь, вот что! К чертовой матери... Пуговичку в рубашке пришить некому, а Пуговичку... Может, Антон Рыбальский сам себе должен пуговичку пришивать? Может, Антону Рыбальскому бросить все свои дела и ввязаться за бабью работу?.. Может, Антону Рыбальскому надеть юбку, кофту и... и... и вообще? Чего ж ты молчишь, как старый пень? Я тебя спрашиваю?
ЕКАТЕРИНА. Ты же знаешь — я на прополке была.

АНТОН. Ага, начинается. То она молчит, то вдруг затархатит, как тот барабан, от которого уши лопаются... Хватит, говорю, вот что... Плавать я хочу и на тебя и на твою прополку... Чего уставилась, ну?..

ЕКАТЕРИНА. Эх, Антон, Антон.

АНТОН. Вот тебе и Антон... (Отходит к окну, напевает грубую).

ЕКАТЕРИНА (подходя к нему). Давай рубашку, пуговичку пришьи.

АНТОН. Не дам. Не желаю. Пусть вся деревня видит, какая жена у Рыбальского. (Отрывает оклад, Закуривает).

ЕКАТЕРИНА (возвращается к самовару, разжигает его. Ставит трубу. Идет к двери, на пороге оборачивается к Антону). Присмотри за самоваром. (Уходит).

АНТОН (резко поворачивается к двери. Выбегает. Несколько секунд молчит, не находя слов). Самовар?.. За самоваром, говорю... А вот я тебе сейчас покажу самовар (Сбрасывает трубу, заливает в самовар огонь водой). Вот тебе самовар! Будьте любезны! (Хватает шапку, идет к двери, сталкивается со Степаном Гуляевым).

СТЕПАН. Антон? Антон. Ба, ба, ба, ба... Кого я вижу... Степан... Степан... Откуда ты взялся?.. Да какой же ты стал важный... Директор, ей-богу, директор.

СТЕПАН. А ведь директор и есть, угадай.

АНТОН. Да что ты? Скажи, пожалуйста, а... Ну, здравствуй, здравствуй. Прости, салюты, рассказываю... Как же это ты?.. Каким это ветром тебя занесло?.. (Присаживается к столу).

СТЕПАН. Попутным. Был на курорте... Отдыхал, подлечивался. Да вот задумал на обратном пути сюда завернуть — тебя повидать, знакомые места посмотреть.

АНТОН. Не забыл, значит, старого друга? Молодец, браточку. Спасибо! А я вот в колхозе бригадиром работаю... Тоже, знаете, как вроде — директор по строительной части. Если строю — выдал на оупушке?

СТЕПАН. Да уж выдал. Работа по всем правилам.

АНТОН. Ого! Антон свое дело знает. А школу выдал? Тоже моя работа. И клуб.

СТЕПАН. И себе домини отрохал? Антон. Будьте любезны... А вот если закончу — баню начну строить. Скажу тебе по секрету — скоро обо мне будет в газетах пролетать. А может быть, даже и орден дадут... Как думаешь — могут Антону Рыбальскому дать орден?

СТЕПАН. А почему же нет. Если заслужишь — дадут.

АНТОН. Понимаешь, на днях приезжает ко мне писатель из Москвы, важный такой, в очках, хотя с тела довольно шустрый, прямо сказать — шишюк... «Я, говорит, из газеты и хочу узнать, как вы и что? Ну я, конечно, ему рассказал все, как на ладони выложил. Видите, говорю, вот эти руки? Ого, таких, говорю, поистаки надо... А куда я мог приложить эти руки в нашей деревенской жизни? Землю пахать? А где же бы еще пахать? У себя на землянке? Ну, а раз у тебя своей земли нет, говорю, сами понимаете — надо батрачить. Но только у меня очень гордый характер. Ого, не такой человек Рыбальский, чтобы вялеть хвостом, как собака. А зато, говорю, сколько через свою гордость Антон Рыбальский испытал в жизни... Пришел домой — дети голодные, баба в слезах, у самого, говорю, явные что на душе, то в пузе. А хитрик — что твои духовные инструменты. Только о той музыке не до танца. И до того станет тошно — выдержать невозможно. Тогда возьмешь ноги в руки — и пошел по белу свету искать жизни... Зато, говорю, только не побывал Антон Рыбальский, чему только бы научился... Шпотником был, каменщиком был, кровельщиком был, маляром был... Кем только не был... Случалось, говорю, что и неплохо зарабатывал. Вывало, говорю, приеду домой, же привезу подарочком там всякие — разные по женской части, сам при галстук... Побуду немного дома, а мне уже и не сидится. Да и чего и сидеть, если нет у Антона Рыбальского в деревне настоящего дела. Ну и опять ноги в руки... Одного разу возвращаюсь домой, а тут — колхоз. Захожу до председателя, а он мне: «Довольно, говорит, тебе, Рыбальский бродить по свету, искать жизни, у нас тут своя новая жизнь открывается и дела для твоих рук хватит»... «Что ж, говорю, можно попробовать». Да так вот —

попробовал и того... остался... Очень писатель понравился мой рассказ, угостил меня папироской из серебряного портфеля и уехал. Вот оно как.

АНТОН. Да ведь оно, как сказать... конечно, нужны не предвидителю, живу в достатке...
СТЕПАН. А Екатерина Ивановна как? (Антон безразлично машет рукой). Что такое?
АНТОН. От рук отбилась... Мимо дома глядит... Не интересуется домашностью ни на грош...
СТЕПАН. А чем же она интересуется?
АНТОН. А! (презрительный жест). Да что же это я: гость с дороги, а я тары-бары, красивые товары. Сольвоя баснями не корчит.

СТЕПАН. Спасибо. Я закусила на вокзале.
АНТОН. А где же твой багажничко?
СТЕПАН. Сдал на хранение. И ведь сегодня же вечером уезжаю в Москву.
АНТОН. В Москве и живешь, что ли?
СТЕПАН. В Москве.
АНТОН. Ниль ты как. Широко масташи в Москве, спали в подлекалке...
СТЕПАН. Помню. Даже «собачью радость» помню...
АНТОН. А как же это ты в директорском подал, а?
СТЕПАН. Об этом в двух словах не расскажешь... Я тебе потом дам отчет — все по порядку, а пока пойду покурю, пропылюсь в вагоне...
АНТОН. Ну что ж, ידי, товарищ директор, или покурю. (Провожает Степана к двери). Да не утони, смотри, там у нас оупушка есть.
СТЕПАН. (В дверях). Знаю, помню. Не беспокояйся. (Уходит).

АНТОН (смотрит в окно). Скажи, пожалуйста, а! Директором стал. А ведь бывало — вместе на парах клопов кормили... Сколько дорог искожено... Теперь, небось, по Москве в машине едит, в кафе-ресторанах ужинает... А все-таки не забыл Антона Рыбальского. Умственный такой, ничего не скажу, устояний, аккуратный... Пойти в лагу — вина купить... (Подоит к комоду, открывает ящик, берет). Куда она к дьяволу денешь запрягалась? Ага, вот... А это что еще такое? (Достает веток шелковой голубой ленты). С ума баба на старости лет сошла. Накой ляд ей атакая лента! Курам насмех... Стой, да ведь это никак та самая... мой подарок. В котором голу это было?.. (Вспоминает).

(Входит Юлька)

ЮЛЬКА. Здравствуйте.

АНТОН. А-а, Юлька. Заходи, заходи, не бойся.

ЮЛЬКА. Я до Катерины Ивановны.

АНТОН. А чего же не до меня, Юлька, а?

ЮЛЬКА. А до вас, пожалуйста, бабушка Дариха хотела зайти.

АНТОН. Чего?

ЮЛЬКА. Так она же страдает за вами: говорит — очень уж вы для нее кавалер походящий.

АНТОН. Эх, Юлька, Юлька! Такая девушка, можно сказать — ангел, а язык, что у ведьмы. На что же тебе Катерина Ивановна?

ЮЛЬКА. Так... Налю...
АНТОН. Сейчас придет, положи напелку, да слухай, что я тебе расскажу: я тебе сегодня во сне видел.

ЮЛЬКА. Ну?

АНТОН. Будто, понимаешь, мы с тобой в лесу. Сооны кругом этакое толстенные, высиленные... А промех них ты до меня бегаешь... сама рыжая, кофта красная, ну, чисто — огонь. Я — за тобой, хучу, значить, поймай. Уже ухватил за юбку, глядь — нету тебя, а в руке у меня штичик хвост. И стоит вместо тебя щипля. Стоит и головой качает, вот этак... а — голова-то у папи — катеринина. Да и голос ее: «Чего, говорит, ты тут делаешь? А я говорю: «Трубку шукаю, чорт его батько знает, куда завалилась трубка». Тут она крыльями — мах, мах. Да как захохочет. А за нее весь лес: ха-ха-ха... Ну, до того страшно, понимаешь, что я враз пропонулся. К чему бы это такое сон, а? Как думаешь?

ЮЛЬКА. Думаю — не к добру. Не являе, дядя Антон, побейт вас сегодня жидка.

АНТОН. Ну, ну, ну! Плетьше несуровое... А я так думаю, что это — к добру. И ведь в Москву уезжаю — за мной приятель один специально приехал, главный московский директор. Я там за его помощника буду. Хочешь со мной в Москву?

ЮЛЬКА. А Катерина Ивановна?

АНТОН. А что мне Катерина Ивановна! Разве такая нужна Антону Рыбальскому?

ЮЛЬКА. А какая же?

АНТОН. Антону Рыбальскому нужна баба молодая, красивая, такая вот, как ты, скажем.

ЮЛЬКА. А ну вас!

АНТОН. Хочешь, ленту тебе подарю? Вот. Видишь, какая лента?

ЮЛЬКА. Где вы достали такую?

АНТОН. Из Москвы. По особому заказу для Антона Рыбальского... Хорошая!

А ну-ка, прикинь! (Пытается обнять Юльку, обвивает ее лентой).

ЮЛЬКА. Отстань! Отстань, говорю, старый чорт! (Борьба).

*(Входит Екатерина. Антон отскакивает от Юльки. Юлька смущенно выпутывается из ленты. Екатерина молча идет к Антону, тот пугливо пятится, оглядываясь на дверь в сенях.)

ЮЛЬКА. А что, дядя Антон, — сон в руке?

(ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 2 СТ.)

За пять дней

ПРИЕМ В ЧЛЕНЫ ССП ГРУЗИИ

Недавно президиум ССП Грузии подробно ознакомился с творчеством ряда молодых грузинских прозаиков и поэтов. Лучшее из них принято в члены союза советских писателей.

Молодой талантливый прозаик Белнагри написал много рассказов из жизни новой Грузии. Особенно выделяется его рассказ «Гость» — о пребывании Серго Орджоникидзе во время гражданской войны в Ухесурети.

Незаурядным мастером слова проявил себя автор рассказов из колхозной жизни Сванети — т. Авалиани.

Из принятых в союз поэтов особенно следует отметить тт. Чабушанури, М. Геловани, Садажа, Каландадзе.

Чабушанури, по национальности хевсур, почитает Тбилисский университет, очень своеобразный поэт. Интересно его стихотворение «Встреча» о новых отношениях между ранее враждовавшими племенами, стихотворения «Олеги», «Меч» и другие.

Очень свежо написана поэма М. Геловани «Борис Динелала» и лирические стихи Каландадзе. Колоритно нарисованы картины деревенского быта в поэме «Лу Мика» принятого в союз поэта Садажа. Поэма получила хорошую оценку.

Приняты также в союз молодые поэты Амигулашвили и Асатиани.

На сцене второго государственного театра Армении в г. Ленинакане с большим успехом идет пьеса молодого драматурга Сергея Паязата «Свадьба».

«Свадьба» — это первая комедия, рисующая советскую армянскую деревню, ее новых людей, ее счастье, зажиточную жизнь.

«Свадьба» — комедия положений. Молодые колхозники Арус и Алексан любят друг друга. Они члены разных колхозов. По старому обычаю, невеста должна идти в дом жениха, но правление колхоза, где работает Арус, вытесняет старую невесту и предлагает переселиться Алексану. Однако колхоз, в котором работает Алексан, тоже не согласен лишиться уларника Алексана. Таков несложная, но оригинальная интрига пьесы.

Основные достоинства комедии Паязата заключаются не только в жизненности героев, в образах которых чувствуешь похоть живой нашей советской деревни, но и в великолепном диалоге. Паязат умело и со вкусом использует богатейшую сокровищницу народных поговорок и пословиц. Коллектив Ленинаканского театра хорошо поработал над пьесой. Постановщики, режиссер Р. Мпласян, артисты — Гогам Арутюнян, Арус Аоян, Гурген Аюбян и другие создали талантливый реалистический спектакль.

Сергей Паязат — молодой и многообещающий драматург. Основная тема его творчества — новая, советская деревня. На днях на экранах Советского Союза появится кинокомедия «Пункт на карте не обозначен», заснятая Ереванской киностудией по сценарию Паязата. Комедия рисует жизнь и быт колхозной молодежи одного из далеких сел горной Армении.

«Пункт на карте не обозначен» бесспорно является второй творческой победой молодого автора.

г. Ереван ОВАНЕС ШИРАЗ

ЛИТЕРАТОРЫ БУРЯТ-МОНГОЛИИ В ГОСТЯХ У СТУДЕНТОВ

УЛАН-БАТОР. На днях писатели Бурят-Монголии — поэт орденосносец Галсанов, заслуженный артист республиканского театра Балдан и поэт Семен Метелица встретились со студентами Бурят-Монгольского педагогического института.

Писатели рассказали о своей творческой работе и познакомили студентов с новыми произведениями.

Поэт Галсанов прочитал ряд новых стихотворений.

Драматург Балдан рассказал о своей работе над первой бурятской оперой «Энхэ булад батор» и зачитал отрывок из либретто.

Поэт Семен Метелица прочитал свою новую новеллу в стихах «Андага контакт».

СМЕРТЬ ЭСТОНСКОГО ПИСАТЕЛЯ А. ТАММСААРЕ

ТАЛЛИН. (ТАСС). В Таллине от разрыва сердца скончался один из крупнейших современных писателей Эстонии Антон Таммсааре.

Эстонская общественность отмечает смерть Таммсааре как большое национальное горе. Вся эстонская печать публикует многочисленные статьи, посвященные жизни и творчеству писателя.

«Смерть Таммсааре — пишет газета «Ус Эсти», — является тяжелым ударом для эстонского народа и для эстонской литературы». Таммсааре был одним из немногих эстонских писателей, произведения которого столь широко известны за границей — заявляет газета «Рахвалекс».

Таммсааре родился 30 января 1878 года в семье крестьянина. Получив высшее образование в Тартуском университете, он работал журналистом в эстонских газетах. Первые сборники его рассказов и новелл — «Калд» и «На исследование» — появились в 1907 году. Таммсааре широко известен в Эстонии как автор пятитомного романа «Правда и право», над которым писатель работал более 10 лет.

В своих произведениях Таммсааре отразил важнейшие события из истории эстонского народа. Отдельные произведения писателя переведены на немецкий, латышский, шведский, голландский и другие языки.

ВТОРЫЕ КУРСЫ-КОНФЕРЕНЦИЯ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Вторые областные комиссии ССП СССР организуют вторые курсы-конференции писателей живущих в областях и краях РСФСР. Они рассчитаны на 15 человек и продлятся 15 дней — с 12 по 26 апреля.

Основное и принципиальное отличие этих курсов от предыдущих в том, что теперь в центре внимания курсов-конференций будет творчество приезжающих писателей, а не только ознакомление с культурными ценностями столиц.

В Москву придут писатели Иркутска, Дальнего Востока, Горького, Смоленска, Свердловска, Архангельска, Кирова и Новосибирска.

На ноябрь намечаются третьи курсы-конференции бюро областных комиссий ССП СССР.

НОВОЕ ПРАВЛЕНИЕ КЛУБА ПИСАТЕЛЕЙ

2 марта в Московском клубе писателей состоялось общее собрание членов клуба, посвященное изменению устава и выборам нового правления.

Выступавшие на собрании писатели единодушно отметили, что московский клуб нельзя сравнить с бывшим «ДСП», что клуб работает хорошо и бывает в нем интересно, но что идейно-политическая работа в клубе поставлена неудовлетворительно. Правление клуба, по мнению А. Фадеева, С. Кирсанова и А. Ромца, должно разработать интересную программу вечеров и встреч, посвященных актуальным политическим вопросам. А. Канлер и О. Леонидов в своих послезаданиях новому правлению говорили о необходимости устраивать дискуссии по вопросам кино, обсуждать новые сценарии, демонстрировать не только новые, но и старые фильмы.

ЗОЛОТЫЕ РУКИ

(ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 1 СТ.)

АНТОН. Тыду на вас всех! (Убегает). ЮЛКА (ему вслед). Ты-у... ЕКАТЕРИНА. Откуда у тебя эта лента? ЮЛКА. А ну его! Прицепился ко мне — возьми, да возьми. ЕКАТЕРИНА (видит раскрытый комод. Все пошла). Ну, что ж, раз подарил, бери. ЮЛКА. Нет, нет, Катерина Ивановна, мне не надо... Я к тебе забежала на минутку, а тут — ох... Думала — не надо ли тебе чего помочь по хозяйству. ЕКАТЕРИНА. Спасибо, Юля, не нужно. ЮЛКА. Я еще хотела спросить: вечером лен поливать будем? ЕКАТЕРИНА. Обязательно. Видишь, какая засуха. ЮЛКА. А может, все-таки, помочь в чем-нибудь? ЕКАТЕРИНА. Нет, нет, Юля, не надо. ЮЛКА. Ну, мое не в лад, так я свое назла. Побегу до Параски. (Убегает.) (Екатерина берет ленту, мнет ее в руках, подходит к комоду, долго смотрит в зеркало, закрывает смирной лентой лицо, плачет... Входит Степан.)

(Екатерина не замечает вошедшего. Степан тихо подходит к ней, покачивает головой.)

СТЕПАН (очень ласково). Что с вами, Екатерина Ивановна?

ЕКАТЕРИНА (выдрогивает, оборачивается. Изумленно). Степан? Степан Петрович?

СТЕПАН. Он самый. Здравствуйте! (Словарство. Задергивает ее руку в своей.) О чем это?

ЕКАТЕРИНА (вытирает слезы лентой). Так... Бабу слезы — вода... Как же это вы к нам? Вот уж кого никак не ждали... Сидите, сейчас будем чай пить. Антон подойдет.

СТЕПАН. А я с ним уже виделся... Ну, как жизнь? Постарел я не правда ли? ЕКАТЕРИНА. Именились — на улице прошла бы мимо и не узнала. А я и совсем стала старухой. Только глаза оставались. Как на иконе. Вызварт так, на старых иконах — все лицо цветет, где нос, где губы, ничего непонятно, а глаза — будто живые.

СТЕПАН. Насчет глаз — это вы верно сказали. Глаза у вас неугасимые. Да и лицо... зря приближается... Чего головой качаете? Посмотрите-ка в зеркало.

ЕКАТЕРИНА. И смотреть нечего, анан... Где вы теперь? Женитесь, правда?

СТЕПАН. Нет, не женился. ЕКАТЕРИНА. Что же это вы? СТЕПАН. Да так... Пожайте ленту... Екатерина Ивановна, вы же ее совсем выжили.

ЕКАТЕРИНА. Ленту?.. А ведь вы эту ленту являете.

СТЕПАН. Я?.. Постойте, неужели та самая?

ЕКАТЕРИНА. Та самая... Помню: вошли вы тогда ко мне в землянку, а я — голышом, голодная, рыдая, у груди ребенок плачет, а молока нет... Землянка маленькая, темная... «Здесь, спрашивается, живет Катерина Рыбальская? Вам послать, что от мужа». И дайте мне сверточек. Я думала — деньги, обрадовалась, а развернула — лента. И до того мне стало горько...

СТЕПАН. Простите, я ведь и сам думал, что в свертке-то деньги были.

ЕКАТЕРИНА. Постойте, а как же вы могли это думать? — ведь деньги у вас лежали в кармане отдельно.

СТЕПАН. В кармане?.. Ах да, верно, в кармане... Попааса. Запутался... Видите ли, дело прошлое, но денег-то, говоря по правде, не было.

ЕКАТЕРИНА. Как не было? СТЕПАН. Да так — не было. Ничего не было, кроме ленты. Вы увидели ее и заклакали. Я понял, что вам не лента нужна, а кусок хлеба... Обругал в душе Антоша, а сам думаю — как же быть?.. Встаю? Уйти? Ничем не помочь? Духа нехватило...

ЕКАТЕРИНА. А чем помочь, если весь мой капитал — двадцать пять целковых, по проштам складенные?.. Думаю — дам ей рубашку пятьдесят, будто Антон велел передать. Ну и того, да...

ЕКАТЕРИНА. Так вы же не пять и не десять, а все двадцать пять отдали.

СТЕПАН. Да ведь оно, видите, как получилось... случайности: они у меня не разменяны были, в одной бумажке...

ЕКАТЕРИНА. Так вы отдали свои последние деньги?

СТЕПАН. Подумайте, капитал!

ЕКАТЕРИНА. А ведь я на них... Если бы не они, может, и меня, и Сашку моего в живых бы не было... А я и не знала... Какой вы добрый!

СТЕПАН. Ну, ладно, ладно. Что там старое воротить. Давайте-ка лучше пошлем чайку.

ЕКАТЕРИНА. Ваточки, дуря набитая. Про самовар-то и позабыла. (Бросается к самовару, видит — труба обрешена на пол, огонь в самоваре заливает). Ну, до чего же вредный человек — огонь в самоваре заливает.

СТЕПАН. Антон, что ли?

ЕКАТЕРИНА. Кому же больше? Попрошла его за самоваром присмотреть, так он — на тебе! Присмотрел.

СТЕПАН. М-да... Труднее-то не жини. ЕКАТЕРИНА. Труднее... Кружусь, как белка в колесе... У меня ничего зано в колесе, лен-то не дешево достается, а жини работы много, если хочешь устроить хороший полунчик. День-денежка в поле и дома отпахать некогда — семья, хозяйство... А он этого не понимает, Идально у нас поросенок подох, так я — стыдно сказать — даже обрадовалась. Ну куда нам разводить целое стадо, зачем, к чему? Чего еще нам нехватает?.. А ему — все мало, все мало... Прежде я этого не замечала за ним... А теперь, как хлебнул рымаку хорошей жини, — губу разело.

СТЕПАН. Вот что... Давайте-ка ваш фарш.

ЕКАТЕРИНА. Фарш?.. (Нерпительно дает ему фарш.) Зачем он вам?

СТЕПАН (надеясь фаршом). А вот мы в самовар возьмем, а вы на стол накройте.

(Входит Катя и профессор)

КАВУН. Принимаю гостя, хозяева! Здравствуйте! (Степану.) Гм... Знакомая личность...

СТЕПАН. Возможно, бывал в ваших краях, хотя и давно. Гостил у Антоша Рыбальского, у Кривошапки батрачил.

КАВУН. А-а, помню... Вы тогда в солдатской шинели и в запыленной шляпке ходили.

СТЕПАН. Верно.

КАВУН. А я еще совсем папаном был. Сознаю Катюну помню?

СТЕПАН. Миколка Катя? КАВУН. Он самый. Вышнй Миколка, а теперь — Николай Михайлович, преподаватель колхоза... А вот это — товарищ из центра профессор Григорий Запольский, знакомьтесь... А вот это, товарищ профессор, сама героиня наша — Катерина Ивановна, а проще — тетя Катя, с товарищем профессором твой участок осматривали.

ПРОФЕССОР. Замечательно, Екатерина Ивановна, замечательно. Я признаюсь, поражен. Не лен, а прямо, я бы сказал, стена.

ЕКАТЕРИНА. Стараемся, как умеем... Присаживайтесь, сейчас самовар поспеет.

КАВУН. Какой там самовар! Никаких самоваров, тетя Катя, не надо. Сейчас подадут машину и мы — к агроному, у него перекудим, а дальше — в район.

ЕКАТЕРИНА. Зачем? КАВУН. Ага! Испугалась?.. Ничего, ничего. У товарища профессора разговор будет особый с районным начальством. Той-то очень интересуются. Твой участок под особое наблюдение берется, будет опытно-показательный... вся область, а может и весь Советский Союз на нем будет учиться. Вот как!

ЕКАТЕРИНА. Ой, мамочки, да чему ж там учиться. Я ж малорамотная, сама у нашего агронома учусь...

ПРОФЕССОР. И отлично делаете. Но и у вас есть чему поучиться. Да, да, да! Я это утверждаю. Вы смелая женщина, Екатерина Ивановна. Я бы сказал, новатор! И новатор особенно. Вы первая начали перекармливать сев, хотя даже ваш агроном вначале сомневался в его пользе. КАВУН. Что верно, то верно. Однако надо собраться, скоро машина придет. ЕКАТЕРИНА. Сейчас... (Идет к двери в соседнюю комнату и вдруг — обратно.) Ой, нет, мне нельзя — мы же сегодня лен поливаем.

КАВУН. Без тебя справятся. Я уже распорядился.

ЕКАТЕРИНА. Как же так — без меня? КАВУН. Не беспокойся. Я отвечаю. Иди, нарывается. На смотрины тебя повезем.

ЕКАТЕРИНА. Уж и не знаю, как, право...

СТЕПАН. Пожайте, Екатерина Ивановна. Вы же председатель приказываете.

КАВУН. Правильно. Дисциплину являете.

ЕКАТЕРИНА. Знаю. Иду. (Уходит в соседнюю комнату.)

(Входит Антон Рыбальский. Из кармана его брякает бутылка вина.)

КАВУН. А вот и хояин пожаловал. РЫБАЛЬСКИЙ. Здравствуйте.

КАВУН. Сам, своей собственной особой, Антон Рыбальский.

ПРОФЕССОР. Очень приятно.

КАВУН (хлопает рукой по карману Антоша). Эге, да он и горлякой.

АНТОН. А как же! Где гости, так и вино. Да и день сегодня у нас такой... Сегодня можно.

КАВУН. Сегодня можно. А вот прошлый раз...

АНТОН. Так я же на радость! Николай Михайлович... Писатель был у меня — обо мне в газетах печатали будут... Да и выпил-то и пустяк совсем.

КАВУН. А подлинно проглотил... Ударная строчка, можно сказать, срочная, а он — на тебе. Смотри, дядя Антон, повторится — оставим бригадиром вместо тебя Васку Богатыря.

АНТОН (обижено). Васку? Молокосос?

КАВУН. А что, не справится, думаешь? (Профессору.) Ученик его — Васка-то. Вот парен толковый — огонь! Два года с Антоном поработал, а теперь того гляди — учителя за пояс заткнет.

АНТОН. Что ж, пожалуй, ставьте Васку... А только я под ним ходить не буду, не такой человек Антон Рыбальский. У меня, брат, рука, вот она... Бульте любезны...

КАВУН. Знаю, анан, дядя Антон. Рука у меня, да голова пустая.

АНТОН. Отвечайте сами за свою голову, товарищ Катя, а чужих не касайся, вот что. Ты ешь под стол пенюш комод, а Антон Рыбальский был уже перекармливаемый мастер на все руки, вот что. Спроси хотя бы у него — он не кто-нибудь, московский директор... Он знает, как можно работать. Антон Рыбальский, скажи ему, Степан, что такое есть Антон Рыбальский. Скажи ему...

СТЕПАН. Успокойся, Антон. Не хнычь... Ты бы вот послушал лучше, что товарищ профессор о твоей жене говорит.

АНТОН. А что?

ПРОФЕССОР. Ваша жена, я бы сказал, — героиня. Такого льна, как у нее, я еще нигде не видел, а я, молодой человек, уже сорок лет как профессор и побывал почти во всех странах мира... Она, если вам угодно знать, утирает нос Бельгией. Да, да, да, чорт побери, Бельгия! Понимаете? Вряд ли дальше учиться, в академии пойдете.

АНТОН. Позвольте, как же так в академии? А кто же будет смотреть за хозяйством?

ПРОФЕССОР. За каким хозяйством? АНТОН. За моим, конечно, а то за чьим же еще. У меня свиньи, корова, телка, полон двор птицы...

ПРОФЕССОР. Э-эх, молодой человек! Ваша жена будет ученым агрономом, а с ее помощью мы поднимем урожай льна во всей стране; вот это, я бы сказал, хозяйство.

(Входит Екатерина. На ней новое, праздничное платье, она кажется помолодевшей, на щеках проступил румянец. Рыбальский смотрит на нее с удивлением.)

ЕКАТЕРИНА. Вот я и готова.

КАВУН. Ай да тетя Катя! Ну, право же — хоть сейчас под венец. Не будь здесь дядя Антон, да не будь я жеват... (Влетает Юлька, размахивая газетой.) ЮЛКА. Газета! Смотрите! Читайте! (Рыбальский выхватывает у нее газету.) АНТОН. Ага, наконец... Где мои очки? (Хлопает себя по карманам.)

СТЕПАН. Давай-ка сюда. (Берет у него газету. Все смотрит на нее.)

ЮЛКА. Сюда смотрите! Вот здесь. СТЕПАН (читает). «На оимке — семья Рыбальских за облом. Слева — Е. И. Рыбальская, в центре — ее муж»...

АНТОН. Где? Где? Ага... Вот! В центре? Ух, здорово как, а? В центре... Видите? Читай дальше, Степан.

СТЕПАН (читает). «У Екатерины Ивановны подлинно золотые руки. В прошлом году участок ее знона дал урожай льна около 15 центнеров с га, сейчас она борется за 20 центнеров».

АНТОН. Дальше? Дальше читай.

СТЕПАН. Да, да, да.

АНТОН. Как все? СТЕПАН. Так все? АНТОН. Не может этого быть! Почему обо мне ничего не сказано? Дав-ка, я сам посмотрю.

СТЕПАН. Пожалуйста. (Отдает ему газету.)

АНТОН. Где же мои очки? Ага, вот они. (Надевает очки, читает, мучается.) ЮЛКА. Катерина Ивановна! Тетя Катя! (Кидается ей на шею). Радость-то какая, а? Теперь же про нас знона весь Советский Союз знает. (На улице шум мотора, гудок автомобиля.) КАВУН. Ну-с, поехали.

СТЕПАН. До свиданья, Екатерина Ивановна.

ЕКАТЕРИНА. До свиданья. Уж извините... Даже чаем не угостила вас...

СТЕПАН. Встретимся еще, Екатерина Ивановна.

ЕКАТЕРИНА (смущенно и задумчиво). Хорошо бы...

АНТОН (спохватившись). Стой, Катерина, куда ты? КАВУН. А мы у тебя же разбираем. АНТОН. То есть, как это так — разбираем? А кто же будет корону донуть? (Екатерина делает движение назад. Катя берет ее за руку, подталкивает к двери в оик.)

КАВУН. Все улажено, все в порядке. Сейчас придет бабушка Дарина, — она тут прилагает за всем. А к ночи и мы вернемся. Пошли, пошли, товарищи! (Все, кроме Антоша и Степана, уходит.)

СТЕПАН (подбегает к окну). Екатерина Ивановна, в Москве на выставке будете? ГОЛОС КАВУНА. Будет. Обязательно будет.

СТЕПАН. Заходите ко мне. Я вам адрес оставлю.

ГОЛОС ЕКАТЕРИНЫ. Зайду, Степан Петрович, зайду! До свиданья! Спасибо! (Шум от ежащегося автомобиля. Антон тоже подходит к окну.)

СТЕПАН. Видел?

АНТОН. Как же это теперь получается — жена моя или не жена, а?

СТЕПАН (смеется). Не знаю. Тебе виднее.

АНТОН. Ха... А слышал, что профессор то говорил? Бельгия, говорит, перекармливала, во как. Орден получили — как пять лавров. А все кто? Антон Рыбальский. Кабы не я — пропала бы баба. А теперь пожайте — золотые руки... Одно слово — Рыбальская. Рыбальские не подкачают, будьте любезны.

Комед.

Издательство «Молодая гвардия» готовит к печати книгу Зиновия Фазина «Крепость на Волге» с иллюстрациями художника Н. В. Кузьмина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Президиум союза писателей утвердил постановление бюро национальных комиссий о художественных переводах.

Подчеркнув необходимость для переводчиков знания языка переводимых произведений, бюро нацкомиссий, как временную меру, допускает практику пользования предварительными подстрочниками. Но такие подстрочники должны точно передавать как общее содержание произведения, так и всю систему его образов, а также особенности его лексики с сохранением синтаксической и интонационной структуры поэтической речи автора. Это возможно только при наличии двух редакций подстрочника — дословной и смысловой.

Подстрочник поэтического произведения должен быть сопоставлен рисунку ритмической структуры оригинала с обязательным описанием строфики, порядка неур, чередования рифм и их характеристик.

К нему, кроме того, должны быть приложены: оригинал произведения в русской транскрипции или же в транскрипции родного языка, на какой переводится произведение, краткие справочные сведения об авторе и о произведении, комментарии образов, локальных выражений и отдельных слов, которые могут быть неправильно поняты.

Для усиления контроля за составлением подстрочников бюро считает необходимым, чтобы правление каждого союза писателей выделяло специальное лицо, отвечающее за организацию правильного подстрочника. Подстрочник не может быть анонимным.

Все эти условия должны быть соблюдены и при составлении подстрочников поэтических произведений, с той только разницей, что описание ритмической структуры оригинала здесь заменяется подробным описанием синтаксических особенностей переводимого произведения. Отпадает также требование двух вариантов подстрочника.

В заключительной части постановления перечисляются мероприятия для укрепления кадров переводчиков. Это в первую очередь необходимо открыть курсы языков народов СССР в крупнейших центрах нашей страны, организовать специальные кафедры по художественным переводам в ИФЛИН, в индустриальных и на литфаках университетов и учредить в литературном институте союза писателей специальный факультет художественных переводов.

Для того, чтобы облегчить работу переводчиков, бюро обращается в Институт языка и письменности Академии наук с просьбой подготовить и издать краткие справочные руководства по основным языкам народов СССР.

Особо выделен вопрос о создании всеобщего научного архива всех материалов по художественным переводам о языках братских народов. Бюро обращается в Институт мировой литературы им. Горького с просьбой создать при институте такой архив.

Отчеты и выборы партийных органов

Справедливая оценка

Общее собрание партийной организации Ленинградского отделения ССП признало работу партбюро за отчетный период слабой. Это — резкая, но вполне справедливая оценка.

Партийное бюро не сумело добиться слаботности, настоящей товарищеской обстановки в своей среде.

Многие события и факты, происходившие в стране, в писательской организации, оставались вне поля зрения партийного бюро и парторганизации в целом.

Не случайно один из крупнейших наших писателей, М. М. Зощенко, в беседе с членом комиссии по обследованию работы президиума ССП и партийного бюро сказал, что он не чувствует в должной мере работы партийной организации.

За истекший год ленинградские писатели создали много новых произведений. Достаточно назвать «Рассказы о Ленине» — М. Зощенко, «Два капитана» — В. Кавурина, «Камешный цит» — С. Хмельницкого, «Это началось в Коканде» — Н. Пакингина, «Встреча друзей» — И. Бражника, «Сын народа» и «Сестры» — Ю. Герца, «Весна 1921 года» — А. Штейна, «Тень» — Е. Шварца, книгу стихов А. Прокофьева — «В защиту влюбленных», большие циклы оборонных и лирических стихов Н. Тихонова, В. Лифшица, Вис. Саянова, В. Шефлера, А. Гатовича, Е. Рывиной, А. Репетова.

На прошедших недавно выборах в местные советы депутатов трудящихся семь писателей избраны в советы. Если к этим фактам прибавить то, что значительная группа ленинградских писателей активно и самоотверженно работает в органах печати действующей Красной Армии и Военно-Морского Флота, — станет очевидным, как расширился круг задач и деятельности писателей и руководства писательской организации, какие новые требования предъявлены нам жизнью. И, казалось бы, все эти «дела, книги и факты» обязывали партийную организацию живо откликнуться, перестроить работу, возмладить активность писателей. Однако этого, к сожалению, не произошло.

Партбюро не поставило перед президиумом ЛенССП ни одного нового, принципиального вопроса, «примирилось» с тем, что президиум и правление два с половиной года ни разу не отчитывались перед писателями. За весь отчетный период партийная организация почти не увеличила своих рядов, хотя среди ленинградских писателей есть немало достойных, активных товарищей.

Каковы основные причины слабой работы партийного бюро?

Первая — безответственность этого бюро, полнейший самотек и иперия в работе.

Вторая — слабость критики и самокритики, как в парторганизации, так и среди писателей в целом. Пережитки алигудиины и либерализма все еще не изгнаны и их можно легко обнаружить на заседаниях президиума, правления Лифшица, при обсуждениях книг в секциях и в составе парторганизации.

Третья — недостаточный творческий авторитет партийной организации. На протяжении всех последних лет партийная организация Ленинградского отделения ССП немало времени потратила на заседания «конфликтных» дел, на пустые

закливания и разговоры о развертывании работы вместо самой работы. Все это не могло не отражаться отрицательно на творческой работе самих коммунистических писателей, а также на работе партийной организации среди беспартийных.

За весь прошлый год коммунисты помнят только два интересных мероприятия партбюро: открытое партийное собрание накануне XVIII партийного съезда, вызвавшее большой отклик среди беспартийных писателей и их активное участие в проведении собрания, и второе мероприятие — обсуждение пьесы М. Чуманова «Бипин выдает в Уссури». Впервые коммунисты заговорили на партийном собрании о своих творческих делах, о литературе, о драматургии.

Смешно и несправедливо выглядит тот факт, что коммунисты зачастую не знают, кто из них над чем работает, что успел сделать. Не случайно поэтому секретарь партийного бюро тов. Капца в своем отчетном докладе не дал и не мог дать настоящей оценки работы ленинградских писателей и в частности коммунистов. А между тем такие произведения коммунистов, как «Мужество» — В. Кетлинского, «Весна 1921 года» — А. Штейна, «В защиту влюбленных» — А. Прокофьева, «Баргазинская повесть» — Е. Федорова, дают богатейший материал для серьезных творческих разговоров.

Идейно-теоретический рост членов партии также был предоставлен самотеку.

Новый избранному партийному бюро, как и всей партийной организации, таким образом, предстоит большая работа.

Одна из важнейших задач, стоящих перед нами, перед президиумом и правлением, — провести в ближайшее время общее собрание писателей с отчетом правления, с широким обсуждением творческих вопросов, работы издательств, журналов и т. д. Два с половиной года не было у нас такого собрания, что совершенно нетерпимо.

В ближайшее время на открытом партийном собрании будет поставлен вопрос о работе ленинградских писателей в действующей армии. Это — тема военно-политическая, тема советского патриотизма и доблести советского писателя. И, конечно, эта тема — глубоко творческая.

Также на открытом партийном собрании намечено в первой половине апреля осветить вопрос о состоянии эстрадного жанра в Ленинграде. Вопрос этот заслуживает внимания и представляет творческий интерес для широкого круга писателей.

Целью ряд мероприятий будет осуществлен домом писателя имени Маяковского. Хотят сказать, это единственно участие в союзе писателей, работавший много и хорошо. Большая оборонная работа, проведенная Домом (например, военные курсы, беседы у военной карты, встречи писателей с военными работниками и т. д.), будет продолжена.

Несомненно, все поставленные нами задачи могут быть разрешены лишь с участием беспартийных писателей. В этом и заключается работа с беспартийными, о которой, как о чем-то абстрактном, специфическом, твердили у нас в партийной организации некоторые товарищи много лет подряд.

Ф. КНЯЗЕВ

ПО УКАЗКЕ УОЛЛ-СТРИТА

Молодой эквадорский писатель Умберто Сальвадор известен в СССР как талантливый автор романов «Товарищи» и «Труженики» (в русском переводе — «История одного детства»). Последний роман Сальвадора «Ноябрь» увидел свет во второй половине прошлого года.

Ноябрь — знаменательный месяц в политической жизни Эквадора последнего двадцатилетия. 15 ноября 1922 г. в главном портовом городе Эквадора — Гуаякиль — вспыхнула народная демонстрация подложа к местному консульству Социалистических штатов с намерением протестовать против действий American Fruit Company, которая вела себя в Эквадоре, как любая организация североамериканского монополистического капитала в любой латиноамериканской республике, т. е. бесстыдно, хищнически грабила и разоряла страну.

Очередной проходившей, состоявшийся в те дни диктатором Эквадора, увидел в демонстрации подходящий случай высудиться перед Уолл-Стритом и тогдашним президентом США Гардингом и устроил на улицах Гуаякиля кровавую бойню. С тех пор народные массы Эквадора ежегодно в этот день собираются на демонстрацию в память жертв ноябрьской резни. Демонстрация 15 ноября 1928 г. снова послужила причиной верхушке Эквадора повод для массового расстрела, на этот раз в столице республики — Кито. 15 ноября 1938 г. бойня повторилась там же.

Эти три даты, три кровавых ноября, образуют историческое оформление, фон романа. Его собирательные «герои» являются буржуазное общество Эквадора 20-30-х гг. На «авансцене» романа фигурируют студент-юрист Альберто и его «свеста» Марта, молодые карьеристы, готовые беспредельно на все, лишь бы добиться успеха в жизни. Они знакомятся в одном

из великосетских салонов Кито, и обстановка их встречи задает каждому из них предположить, что другой богат и представляет выгодную брачную партию. Однако эти материальные иллюзии быстро рушатся. Выясняется, что оба бедны. Альберто скоро окончит университет и в лучшем случае может надеяться на получение какой-нибудь ничтожной, плохо оплачиваемой должности в одной из министерских канцелярий. Марта — дочь мелкого служащего, жаждовая которого нехватает даже на содержание семьи. Тогда, не покорившись отношениям, они начинают порошить каждый «по-своему» бороться за «местечко под солнцем». Альберто принимает хлопотать о назначении его куда-нибудь дипломатическим представителем Эквадора. Марта же, убедившись, что единственно ее капиталом является красота, ищет наиболее выгодного помещика этого капитала. Кошачья цель ее домогательства — брак или хотя бы связь с миллионером или министром. Великосетские шлопачи смеются над ней: они тоже ищут богатых жен или любовниц. Однако мало-помалу, становясь поочередно вложницей то одного, то другого сановника, Марта всплывает на поверхность и завоевывает себе кое-какое положение в буржуазно-аристократических кругах Кито.

Тем временем в стране незаметно политические перемены. Престоят выборы нового президента. В ожесточенной избирательной борьбе конкурируют три кандидата: консерватор, либерал и кандидат народного фронта. Альберто с головой уходит в эту борьбу, не делая это, как и подобает истинному карьеристу, т. е. оказывая услуги всем кандидатам. Оппортунистически он становится тайным агентом нового международного альянса, организующего в интересах предпринимателей так называемую «службу социальной защиты», попросту же говоря, направленную против рабочих сеть шпионажа и провокации. Таким

способом Альберто привлекает к себе и благожелательное внимание правящей клики.

Революционная вошнина устраивает в самый момент выборов очередное, «прогнун-самонетное» и провозглашает диктатором Эквадора одного из тех темных деловых, которых так богата политическая жизнь Латинской Америки. Новый диктатор закрепляет свое господство чудовищным террором — массовыми расстрелами и ссылками на Галапагосские острова. Для карьеры Альберто все это оказывается чрезвычайно выгодным: он выдает полиция рабочих, студентов, служащих, участвовавших в революционном движении, и за это получает повышение. Но еще через год демократическая часть армии свергает диктатора. Этим и заканчивается роман.

Наиболее существенно в этой книге то, что писателю удалось нарисовать картину вырождения и загнания буржуазии остаткой, типично полукolonиальной страны, придавленной ярмом Уолл-Стрига, по рукам и по ногам связанной в своей внешней и внутренней политике. Все безразличное ничтожество, все скудоумие, вся карикатурность, помпозность этого класса нациды в Сальвадоре остро изображены.

Эпиграфом к своей книге Сальвадор взял бессмертную строку из третьего акта «Фюште Овехуна» («Смерть тиранам и предателям» и т. д.). И в связи с этим нельзя не отметить существенного недостатка романа. Несмотря на эпиграф из Лопе де Вега, в книге не ощущается влияния наиболее ценных традиций испанской классической литературы. К сожалению, автору, видимо, немало еще imponируют «достижения» послевоенной буржуазной литературы, в первую очередь французского романа. Об этом свидетельствуют фрейденштейн «кулоны» автора и его повзвешенный, не совсем здоровый интерес ко всякого рода сенсационным темам. Все это ослабляет социальную силу ром

Г. Лукач и советская литература

В статье «Художник и критик» («Лит. критика» № 7, 1939 г.) Г. Лукач проделывает следующую операцию на предмет по...

В. ЕРМИЛОВ

Всю проблематику декадэнса Лукач неоспорительно переносит на советскую литературу! В самом деле, к приме...

критика» и «Литературного обозрения» наши писатели изображаются как эпитоны и подражатели. Например, Ф. Левин полагает, что раньше Вас, Гроссман подражал...

«Победа реализма»

В освещении прогрессистов

Г. ЛУКАЧ

Мысли Энгельса о Бальзаке, Ленина о Толстом имели в нашей литературе странную судьбу. Долгое время их совсем «не замечали»...

политические мысли Ленина в литературе, что Ленин всегда исследовал прежде всего те явления, где история «богаче содержанием»...

В. КИРПОТИН

История и современность

Гегелевское положение о неизбежном угасании искусства в новое время Г. Лукач излагает как марксистское. Процесс культурного обеднения проявляется себя в искусстве...

Таковы методологические основы писания искусства М. Лифшиц считает условием отсталого натурального или полунатурального хозяйства. «Классическая пропорциональность классической формы искусства»...

возвращение просветителей только к рассудочности, Э. Успенский считает себя достаточно защищенной, чтобы показать, что ей не нравятся все пути развития советской литературы...

Некрасово, — политические убеждения Некрасова наиболее передовые в революционные убеждения его времени — помогли ему понять народ, реалистически отразить всю его жизнь...

в начальном (Гоголь, «Мертвые души») — «сначала смешно, потом грустно и только в конце — великая правда» (Белинский, т. I, стр. 103). Как смешно! Какая тривиальность — сначала смешно, потом грустно...

Литературная газета № 13

Из стихов о Востоке (Монолия)

1. Танк

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

2. Кукла

Мы сняли куклу со штабной машины,
Спасая жизнь, ссылая на войну.

У Шевченко есть одно стихотворение,
написанное в кассете, совсем небольшое,

Салок вишневый коло хати,
Хрумлі над вишнями гудуть.

Чем достигается огромная сила действия
позиции Шевченко? Какими средствами

Когда советским переводчикам пришлось
стольдаться со стихами Шевченко, у многих

Совершенно невозможно, например,
прочитать два его нижеприведенных стиха,

Только добавив остальные две строки,
с удивлением видишь, что, вопреки всем

В пределах общей ритмической композиции
Шевченко употребляет множество

А там найду свою жінку,
Навду жінку, почастию,

Таке переносе сочетаются иногда
с прямими повторами целого стиха, где нет

Тако ж і в інших випадках,
які не можна назвати повторами.

Тако ж і в інших випадках,
які не можна назвати повторами.

Тако ж і в інших випадках,
які не можна назвати повторами.

Тако ж і в інших випадках,
які не можна назвати повторами.

Тако ж і в інших випадках,
які не можна назвати повторами.

Тако ж і в інших випадках,
які не можна назвати повторами.

Тако ж і в інших випадках,
які не можна назвати повторами.

Тако ж і в інших випадках,
які не можна назвати повторами.

Тако ж і в інших випадках,
які не можна назвати повторами.

Тако ж і в інших випадках,
які не можна назвати повторами.

Тако ж і в інших випадках,
які не можна назвати повторами.

Тако ж і в інших випадках,
які не можна назвати повторами.

Тако ж і в інших випадках,
які не можна назвати повторами.

Тако ж і в інших випадках,
які не можна назвати повторами.

Поэтика Шевченко

Мариэтта ШАГИНЯН

па — это «11—12-слоговый стих с

Недостаток этой схемы не только в том,
что она обнимает ритмическое разнообразие

Откуда идет этот прием? Сочетание в
одном стихотворении разных размеров и

Вот эти чисто народные элементы поэзии
участвуют у Шевченко в том, что мы

Только одно действие в природе — ветер.
Под гулкостью от ветра ветви и волны

О богатстве внутренней ритмы и аллитераций
у Шевченко писали уже очень много.

Аллитерируют три самых необходимых
слова — жито, жатва, жатва.

А вник кобу несе в рбсу,
За ними сивае...

Рифмует слова, самую жизнь поставленные
рядом, — люди плут востит в ро-су,

Но ведь любой народный язык, не только
украинский, имеет в своем запасе

Любовные мотивы, встречающиеся в
романе, носят на себе следы принудительного

В авторском укладе в первую очередь
надо отметить описание каторги на острове

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

разным с предыдущим даже и в ударении
(все одинаково, и стих, и ударенный),

Забрав хлопців та я поїхав
По морю гуляти;

Нехай думка, як той ворон,
Літає та кричає.

Все эти чисто народные элементы поэзии
участвуют у Шевченко в том, что мы

Только одно действие в природе — ветер.
Под гулкостью от ветра ветви и волны

О богатстве внутренней ритмы и аллитераций
у Шевченко писали уже очень много.

Аллитерируют три самых необходимых
слова — жито, жатва, жатва.

А вник кобу несе в рбсу,
За ними сивае...

Рифмует слова, самую жизнь поставленные
рядом, — люди плут востит в ро-су,

Но ведь любой народный язык, не только
украинский, имеет в своем запасе

Любовные мотивы, встречающиеся в
романе, носят на себе следы принудительного

В авторском укладе в первую очередь
надо отметить описание каторги на острове

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

воши схожств і подобиї, і в звуку, мета-
форе, параллелі, перекличці, естествоно,

Сила и оригинальность Шевченко, как
поэта, заключается не только, даже, вернее,

Народные элементы в стихах Шевченко
настолько ясны, что на них постоянно

Только одно действие в природе — ветер.
Под гулкостью от ветра ветви и волны

О богатстве внутренней ритмы и аллитераций
у Шевченко писали уже очень много.

Аллитерируют три самых необходимых
слова — жито, жатва, жатва.

А вник кобу несе в рбсу,
За ними сивае...

Рифмует слова, самую жизнь поставленные
рядом, — люди плут востит в ро-су,

Но ведь любой народный язык, не только
украинский, имеет в своем запасе

Любовные мотивы, встречающиеся в
романе, носят на себе следы принудительного

В авторском укладе в первую очередь
надо отметить описание каторги на острове

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

В биографии у трех из главных героев —
у Левина, Ситникова, Никшица —

Окончание статьи Г. Лукача

же ленинско-сталинским критерием, т. е.
рассматривать их «в мировом масштабе».

Прогрессивность в конечном счете
содержит в себе сложное, живое, диалекти-

Другими словами, она не аннулирует
сложность, противоречивость истории,

Если расценивать литературу масштабом
формальной демократии, это единство

Насколько наши «прогрессисты» неспособны
понять таких писателей, как Бальзак

Наша «прогрессистка» — закономерные
эстетические критерии, которые судят о худож-

И, право же, было бы гораздо полезней
для нашей литературы и для самих ува-

Но вот Маркс, например, признавал
нападку Гюго на Наполеона III «единым

В этих случаях, которые как бы
созданы на глазах читателя, — настолько

Есть произведения, которые как бы
созданы на глазах читателя, — настолько

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Или у Маркса тоже странности! В том-то
и дело, что тот, кто стремится в том, что

Последний пример. Е. Гальперина напечата-
ла в «Интернациональной литературе»

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

Вот здесь он шел. Окопав три ряда.
Цель вояхны им с дубового шетниа.

«ТИХИЙ ДОН»

На станции Миллерово Григорий, как демобилизованному красному командиру, предоставлял обязательскую подводу. По пути в дом он в каждой украинской избе менял лошадей и за сутки дошел до границы Верхне-Донского округа. В первом же казначействе председателя ревкома — молодой, недавно вернувшийся из армии красноречивее — сказал:

— Придется вам, товарищ командир, ехать на быках. Лошадей у нас на весь хутор одна и та на трех ногах ходит. Всех лошадок на Кубани оставили при отступлении.

— Может, на ней как-нибудь доберусь? — спросил Григорий, постукивая пальцами по столу, испытующе глядя в веселые глаза разбитного председателя.

— Не доберетесь. Недолго будете ехать и все одно по дороге! Да вы не беспокойтесь, быки есть у нас справные, паровозы, и нам все одно надо подводу во Верхне-Донскую посылать, телефонный провод отравить, завалы у нас тут после этой войны; вот вам подводу и менять не придется, до самого дома вас доставит. Председатель прикинул левый глаз и, улыбаясь и лгуно помингивая, добавил: — Далим вам наилучших быков и в подовички — молодую, вловую бабу... Есть у нас тут одна такая зараза, что лучше и во сне не приснится! С ней и не заметите, как дома будете. Сам служил, — знаю все это и тому подобную военную нужду...

Григорий молча прикидывал в уме: ехать попутную подводу — гуло, идти пешком — далеко. Надо было соглашаться и ехать на быках.

Через час подошла подвода. Колеса на старенькой арбе визгливо скрипели, вместо задних грузишка торчали обломки, ключами свисало перешагнутое наваленное сено. «Довольны!» — подумал Григорий, с отращиванием глядя на убогую справу. Половничка падала рядом с быками, помахивая кнутом. Она действительно была очень хороша собой и статна. Несколько портила ее фигуру массивная, но по росту, грудь, да косой прам на круглом подбородке придавал лицу выражение декоративной быковости и словно бы старил смугло-розовое молодое лицо, у переносицы ослепленное мелкими, как просо, золотистыми веснушками.

Поправляя платок, она сощурила глаза, внимательно оглядела Григория, спросила: — Тебя, что ли, везут?

Григорий встал с крыльца, зашагал шпатель.

— Меня. Провод погрузила?

— А я им прокатываю грузить! — звонко закричала казначейка. — Кажин день в езде да в работе! Таковская я им, что ли? Небось сама эту проволочку навелат, а нет, — так я и порожнем уеду!

Она таскала на арбу мотки провода, громко, но беззаботно переругивалась с председателем и изредка метала на Григория косые изумленные взгляды. Председатель все время поспевался, смотрел на молодую вдову с искренним восхищением. Иногда, подмигивая Григорию, он как бы говорил: «Вот какие у нас быки есть! А ты не верил!»

За хутором далеко протянулась бурая, проблеская, осенняя степь. От пыльной танушки через юркую сызкой топот дыма. Нахари жгли выволочка — сухой кукурузный жабры, выветленную волоконистую брану. Захала дыма разбухла в Григорий грустные воспоминания: когда-то и он, Григорий, пахал жабь в густой осенней степи, смотрел по ночам на мерцающие звездами черное небо, слушал переделки детских в вышине гусиных стаиц... Он бесконечно заморачивал на сено, поглядывая сбоку на половничку.

— Сколько тебе лет, бабочка?

— Под шестнадцать, — колеблясь ответила она, улыбаясь одними глазами.

— Нет, без шутки.

— Двадцать перелый.

— И вдова?

— Вдова.

— Куда же мужа тела?

— Убыла.

— Давно?

— Второй год пошел.

— В восстание, что ли?

— После него, перед осенью.

— Ну, и как живешь?

— Давно кое-как.

— Скучно?

Она внимательно посмотрела на него, надвинула на губы платок, прятая улыбку.

В. ФОМЕНКО

В ПОИСКАХ СМЕХА

Драматург В. Шеваркин и Театр сатиры приписали советского зрителя по смеяться над вычурными и карьеристскими, напыщенными дураками и развратными, дегенеративными и чужаками, над обывателями активно-лживыми и обывателями безобидно-чужаковатыми. Автор и театр повели зрителя на загоры нашего бытия и говорят ему: посмотри, как смешно живут эти создания, прикидывающиеся людьми.

Покваляло намерение! Зритель хочет смеяться. Люди из «Страшного суда», — если их вообще можно назвать людьми, — достойны осмеяния.

В первой картине происходит знакомство с персонажами комедии. Автор собирает их в зал суда. Вот Блаженчик, внешне привлекательный, шажок-культуристый. Вот Иванякин — потешный человек, основной герой пьесы и спектакля. И далее, по порядку: Пружанкин — петушастый болван, автор беспроблемно-глупого сочинения «Поведение человека на службе и около нее», Родионов — незадачливый месткомовец разоблачитель... Не будем называть всех.

Ловкая Блаженчик, жадая уйти от накаляющей за вату, полученную от Иванякина, обманывает советский суд. Николькой вольной он не брал, Иванякин подарил золотой портупар не ему, а его жене. Блаженчик — жертва измены. Показавши Иванякина и Анну Павловну, взявшей вину на себя, чтобы спасти мужа, рассказывают возведенное на него обвинение. Иванякин из взяткодателя превращается в «артистически-позорную» личность.

Воследствии этот «собирающий» подворається всецелым мукам. Жена его —

Голос ее зазвучал глуше, и как-то новые ноты появились в нем, когда она говорила:

— Некогда скучать в работе.

— Без мужа-то скучно?

— Я со свекровью живу, в хозяйстве делов много.

— Без мужа-то как обходился?

Она повернулась к Григорию лицом. Па смуглых скулах ее заиграли румянец, в глазах вспыхнули и погасли рыжеватые искорки.

— Ты про что это?

— Про это самое.

Она свинула с губ платок, протяжно сказала:

— Ну, этого добра хватает! Свет без добрых людей... И помчалась, прожала: — Я с мужем-то и бабей жизни не успела раскушать. Месяц толечко и пожила, а потом его забрала на службу. Обхожусь кое-как без него. Зараз полегчало, молодые казаки попирали в хутор, а то было плохо. Цоб, льский! Цоб! То так-то, служивыйки! Такая моя животуха. Григорий умолял. Ему, покажи, не к чему было вести разговор в таком широм тоне. Он уже жалел об этом.

Крупные упитанные быки шли все тем же размеренным заплетающимся шагом. У одного из них правый рог был когда-то надломлен и рос, косо наисидая на доб. Опираясь на локти, полузакрыв глаза, Григорий лежал на арбе. Он стал вспоминать тех быков, на которых он в детстве и потом, когда он уже стал взрослым, пришлось работать. Все они были разные по масти, по телосложению, по характеру, даже рога у каждого имели какую-то свою особую форму. Когда-то волжиса на мелховском базу был вот с таким же изуродованным, сбитым набором рогов. Злобный и лукавый, он всегда смотрел нежко, выворачивая несценный кровавыми прожилками белок, стараясь глянуть, когда подходили к нему сади, и всегда в рабочую пору, по ночам, когда пускали скот на пашу, порывал уйти домой, или — что было еще хуже — скрывался в лесу, либо в дальних логах. Часто Григорий верхом на лошади по целым дням разсажал в степи и, уже вернувшись в том, что когда-либо найдут пропавшего быка, вдруг обнаруживал его где-нибудь в самой темноте буряка, в непроизвольной гущине терновника, либо в ямке, под раскисшей и старой дикой липой. Умел этот озорной дьявол сплести напуган, ночью подвывая рогом завязку на воротах скотинного база, выходил на волю и, перелезав Дон, скакал по лугу. Много неприятностей и огорчений доставил в свое время он Григорию...

— Как этот бык, у какого рог сбился, смирный? — спросил Григорий.

— Смирный. А что?

— Да так просто.

— Оно и «так» доброе слово, ежели нечего больше сказать, — с усмешкой проговорила половничка.

Григорий промолчал. Ему приятно было думать о прошлом, о мирной жизни, о работе, обо всем, что не касалось войны, потому что эта затянущаяся на семь лет война остережала ему до предела, а при одно воображении о ней, о каком-либо эпизоде, связанном со службой, он испытывал немалую внутреннюю тошноту и глухое раздражение.

Он пожелал воевать. Хватит с него. Он охал домой, чтобы, в конце концов, взяться за работу, пожить с детьми, с Аксиньей. Еще там, на фронте, он твердо решил взять Аксинью в дом, чтобы она воспитывала его детей и постоянно была возле него. С этим тоже надо было кончать и чем ли скорее, тем лучше.

Григорий с наслаждением мечтал о том, как снимет дома шпатель и сапоги, обугрится в просторные чирки, по каменному обывало заправит шаровары в белые шерстяные чулки и, намылив на теплый пиджак домотканый зипун, поедет в поле. Хорошо бы выгнать руками за чапичи и пойти по влажной борозде за плугом, жадно обрывать позвонки сырой и пресной запах взрылцовой земли, горький аромат порезанной лемехом травы. В чужих краях и земля и травы пахнут по-иному. Не раз он в Польше, на Украине и в Крыму расстилал в ладонях сызую метелку полыни, нюхал и с тоскою думал: «Нет, не то, чужое...»

А подовичке было скучно. Ей хотелось разговаривать. Она бросила погонять быков, села поудобнее и, тербя ремешком, — ну, что ж! Мы вам по этому поводу казую-нибудь заругуе дам...

Номер третий: Дупышка-парикмахер Клава на вопрос Родионова: «Вы и в театры ходите?» — отвечает: «В этом году всего раз была. Нам в парикмахерской по специальности билеты дали. На «Семь лет в одиночку» цирюльничка. Только о нашей работе там мало поют, больше про увлечения».

Номер четвертый: Ефим Давыдович? «Вы хотите, чтобы я взялся за шпатель? А что я в нем понимаю. Я же не змея...» (Речь идет о починке патефона). — В. Ф.)

«Шпатель» обгрызается несколько раз.

Мы — за смех. Ничего не может быть смешнее человека, встающего против веселья. Не пельза же, право, тамшии грубыми способами высекать из зрителя искру смеха.

Чтобы изобразить обывателя и посмеяться над ним, недостаточно поставить его в глупое положение и разделить словечками из ментальной жаргона. Надо дать логику его поведения, логику, вытекающую из свойственных подобным «героям» взглядов и переживаний. Что делается в «Страшном суде»? Иванякин, по-своему любящий детей, семью, жену, «честный мужчина», добровольно отправляется в тюрьму. Жена страшной советского суда и наказания за совершенный проступок. Он, существо, больше всего на свете дорожащее семьей, отказывается от семьи, чтобы «во имя правды» сесть в тюрьму. Жена Иванякина, грозная Варвара Ивановна, не возражает. Она даже сбавляет мужа-«иредельный» прожорам. Какой головорезительный прок! Таким псыковоз фальшивым поворотом сюжета автор заканчивает свою пьесу.

Можно поверить, что Блаженчик испугался своей новой жены — Валентины Николаевны. Он должен ее испугаться. Но

нахмурился и покраснел так, что по переносице поехали крохотные веснушки.

— Ты жену покажи, когда приедешь, а у меня и без тебя жалелликов хватит!

— Да ты не серчай, погоди!

— А ну тебя к черту!

— Я это жалуючи тебе сказал.

— Или ты со своей жалостью при... — она по-мужски умоля и привильно выругалась, сверкнула потемневшими глазами.

Григорий понял брови, смущенно краснел:

— Загнула, печого сказать! Вои ты какая необузданная...

— А ты какой? Святой во вшивой шинели, вои ты кто! Знаю я вас! Замуж выходи, то да се, а дави ты таким новым стаг!

— Нет, невадно, — посмеиваясь, сказал Григорий.

— А чего же ты мне уставы читаешь? У меня на это свекровь есть.

— Ну, хваит тебе, чего ты злуешь, дура-баба? Я же промежу прочим так выразился, — прикирительно сказал Григорий. — Гляди вои, быки от нашего разговору с дороги сошли.

Приманиваясь на арбе поудобнее, Григорий мельком взглянул на веселую вдову и заметил на глазах ее слезы. «Вот тип хороша! И всегда они эти бабы так...» — подумал он, ощущая какую-то внутреннюю невольность и досаду.

Вскоре он заснул, лежа на спине, накрыв лицо бортом шинели, и проснулся только в сумерках. На небе светились бледные вечерние звезды. Свежо и радостно пахло сеном.

— Быков надо кормить, — сказала она.

— Что ж, давай останавливаться.

Григорий сам выпрыгнул, достал из мешочка сумку банку мясных консервов, хлеба, палочку и принес полный ворох сухого бурьяна, неподалеку от арбы разложил огонь.

— Ну, садись вечерять, зовутка, хваит тебе сорчать.

Она присела к огню, молча вытряхнула из сумки хлеб, кусок жаркаленного от старости сала. За ужинем говорили мало и мирно. Потом она легла на арбе, а Григорий бросил в костер, чтобы не затухало, несколько комьев сухого бычьего помета, по-походному прижимаясь возле огня. Долго лежал, подложив под голову сумку, смотрел в мерцающие звездами небо, несвязно думал о детях, об Аксинье, потом задремал и очнулся от вкрадчивого локотного голоса:

— Спишь, что ли, служивый? Спишь, ай нет?

Григорий приподнял голову. Опершись на локоть, сутурица его свесилась с арбы. Лицо ее, озаренное светом неверным светом угасающего костра, было розово и свежо, ослепительно белели зубы и кружевная кайма головного платка. Она, как будто между ними и не было размылок, снова улыбаясь, шевеля бровью, говорила:

— Боев, замерзает ты там. Земля-то холодная. Уж ежели дуло озяло-няе мне. У меня губа те-о-ошная-предела! Приидешь, что-ли?

Григорий подумал и со злостью ответил:

— Спасибо, лежка, не хочу. Кабы годла назад... Небось не замерзну возле огня.

Она тоже надхнула, сказала:

— Ну, как хочешь, — и укрывшись шубой с головой.

Спусти немного Григорий встал, собрал свои пожитки. Он решил идти пешком, чтобы к рассвету добраться до Татарского. Немисливо было ему — возвращающемуся со службы командиру — прехадть домой своей беда дня на быках. Сколько пашемок и разговоров вызвал бы такой прехад...

Он разбузил подовичку.

— Я пойду пешком. Не боишься одна в степи оставаться?

— Нет, я не из пужливых, да тут и хутор близко. А тебе, что ж, не терпится?

— Угадала. Ну, прощай, зовутка, не помниай ликом!

Григорий вышел на дорогу, поднял воротнич шинели. На респицы его упала первая спежинка. Ветер повернул с севера, и в холодномдыхании его Григорий почувился знакомый и милый сердцу запах сена.

Средоточивая в Софье не только ум, но и рефлексию, С. Бирман лишила иронию Михаила и Муратова, сделала глуповатым Хеврера, бурбоном — Тараханова, возторженио-пригуроватой — девчонку Степку... Р. Платт очень хорошо изображает глупо-самозверного прохвоста, который предлагает Софье «спасти Россию», обворовывая и грабя ее. Но Хеврера у Горького — прохвост умный, пинтиный и потому значительно более омерзительный.

И. Подубяринов—Тараханов произносит каждую фразу как команду во время ролевого учения на палу: оп играет типичного отставного помощника исправника-бурбона, а у Горького в пьесе он — чужак, непохожий, добрый человек, из тех, к кому Антина питает «бульчешскую» симпатию... А Козлова в роли девчонки Степки техничнее хорошо делает то, что подпазано режиссером, но, глядя на нее, сожалеть, что она — не та подлинно-напыщенная, непосредственная Степка, которую нельзя не любить...

Муратова — «уездного Мефистофела», в пиничной иронии над собой нашего опустощенности и обреченности, не может любить Софья, оп ей чужд, как мысль о смерти. По этому Софья отталкивает от себя того искренне страдающего, симпатичного, словно из чеховской пьесы пришедшего интеллигента, которого играет О. Фрельх, — не совсем понятно!

Прогрессирует над собою и Михаил, выходящий потомок Антонины. В. Поляков, с душевной болью, искренне, правдиво передает то, что сохранилось от его роли: трагический пафос обреченности. Мизансцена третьего и четвертого актов напоминают именовские «Привидения». Но Михаил — совсем не Освальд, во-первых, и ирония его над собою, как прояснение его ума, разрыла бы чрезмерно опустошенную трагедийную атмосферу, во-вторых.

Ум всех действующих лиц, сосредоточившись в одной Софье, обратился в рас-

судочность! Спектакль развивается медленно, люди больше думают, чем действуют, и больше молчат, чем говорят, а когда говорят, то медленно, тихо, слова со сцены звучат приглушенно.

Спектакль театрален в хорошем смысле слова. Велика и работа, проведенная С. Бирман с актерами. Спектакль исполняется подлинным ансамблем. По тут, как сказано выше, достоинство режиссерской работы переходит в недостаток. С. Бирман, действительно, помогла актерам хорошо и интересно играть свои роли, но не во всем так, как они написаны Горьким.

В моменты показанного нам дома Зыкова, в салу этого дома, как в тургеневских усадьбах, людям хочется не действовать, а размышлять, им здесь удобно, приятно отдыхать хотя и суровой, но менее хлопотливой рефлексии, нежели непосредственной жизни. Правда, нам Софья — старый дряхлый, как сказано у Горького. Но это случайное, приходящее обстоятельство. С. Бирман сделала приниципальным, и художник П. Вускович удачно воплотил ее замысел.

Но если в спектакле недостаток ирво, полно и убедительно показала правда Антонины, правда торжествующей жизни, то сильно и талантливо передала фальшь Павлы, враждебной жизни. Она из монашества, где провела юность, принесла в дом Зыковых ту бесцветную жалость, то равнодушное сочувствие к людям, которое так страстно ненавидел Горький. Павла не любит ни мужа, ни Михаила, она не умеет еще любить, как прямо говорит ей Софья. Холодный огонь ее бесцеремного сострадания болно опалил и Михаила, довел его до поубушения на самоубийство, и Антину, чуть не подкосив его; даже обидчик Шохин (Ф. Селезнев) ужален этой змеиной, как он говорит, жаровой жалостью...

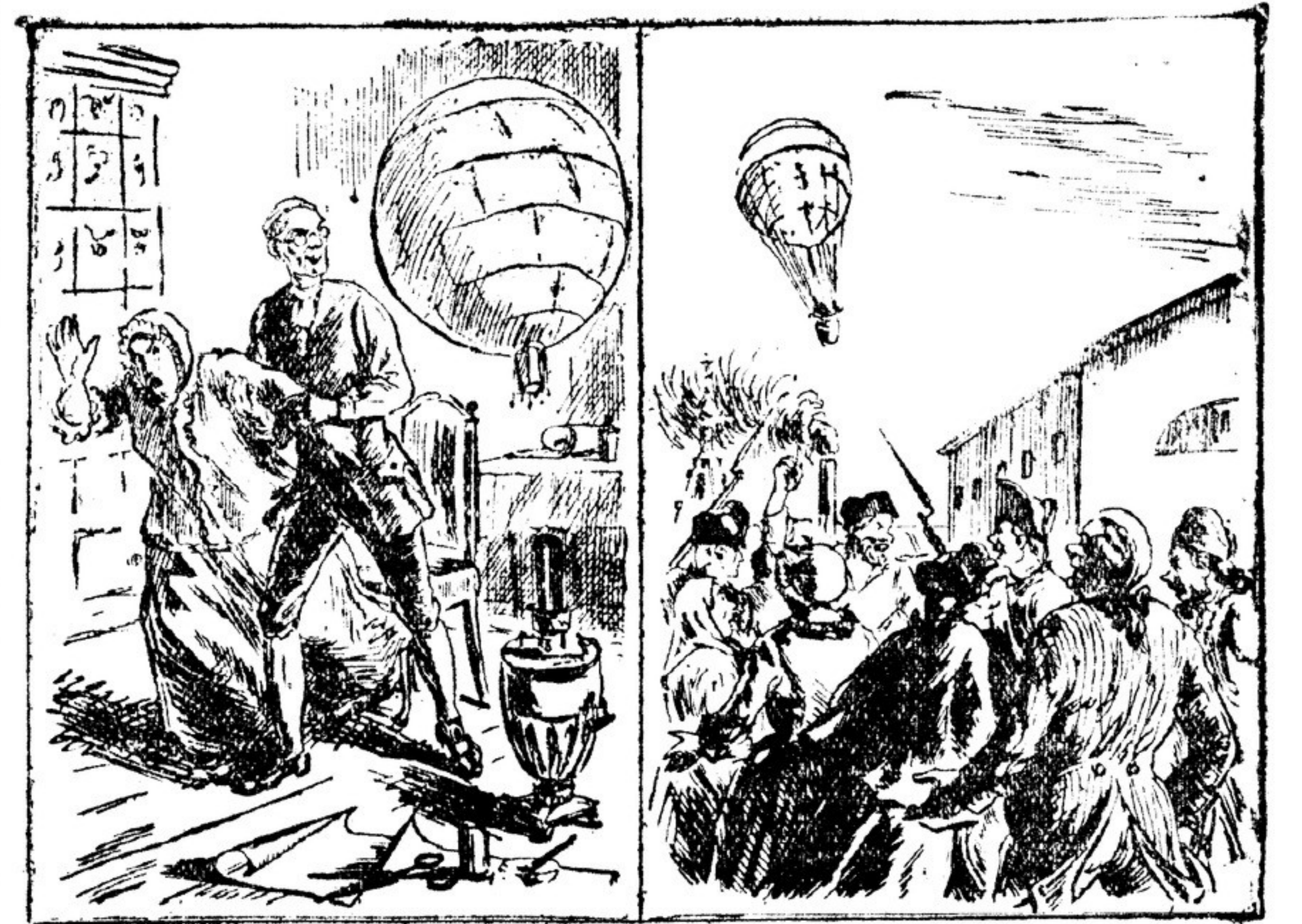
В. Серова хорошо играет эту нелегкую роль. Она вся не таяла, как окружающие ее «злые» люди. Между нею и ими — невидимая, но непреодолимая преграда: даже будная жизненная сила Зыкова ее не сломала. Она еще не расчетливо-линемерна, она еще непосредственно-бессердечна, но чья своей матери, мешачки Целовальниковой (Е. Булатова), она вытает в себя уроки и наставления матери и выражает из нее такой Лука, фальшивый «сострадатель», каким описал его Горький.

Мысль Горького, его непаньсть к мизансцене-равнодушной, религиозно-фальшивой жалости, которая убивает людей, как страшная язва, С. Бирман и В. Серова передают выразительно и сильно. И все же после спектакля зритель вправе спросить: а точно ли во всем виновата Софья? Надо ли почитать пьесу, разоблачить...

Почему же зритель не убежден в правоте Антонины, который, как смерть, отогнал от себя Павлу? Оттого, что в спектакле меньше внимания уделено правде Антонины, а правда его — это сама жизнь, торжествующая, лживушая! Но над ней господствует рефлексия, над Антониной преобладает Софья! С. Бирман — яркий художник; как режиссер, она всегда блещет детальной разработкой мизансцен, тонкой нюансировкой в отделе ролей; ее режиссерские средства разнообразны и многограссочны. Как актриса же, она близка к искусству О. Бердслей.

Она — графиня, ибо пользуется двумя контрастными приемами. В роли Софьи она показывает два состояния: то подчеркнутое, почти застывшее спокойствие; то неожиданные, бурные вспышки. Этими чрезмерно резкими переходами от одного к другому С. Бирман создает интересные детали характеристики Софьи. Но в целом Софья по-мужски умна, реза, наклонна к рефлексии. И во многом напоминает Вассу Железнову... Потчерьем: нет ли маленького основания упрекать С. Бирман в самоповторении. Софья — продукт самостоятельного творческого акта и напоминает она Вассу в силу некоторых характерных особенностей таланта С. Бирман.

Коренное отличие Софьи от Вассы С. Бирман передает правдиво. В Вассе, хотя она того и не подозревает, была себя жалкая жизнь, ибо для нее жизнь — это властное хозяйствование. И неожиданная смерть поражает ее вполне закономерно. Жизнь и для Зыкова, как для Булычева, — это жизнь как таковая, это радость бытия. Софья так же относится к жизни, как ее брат, а приобретенный ею жизненный опыт научил ее любить и не пить жизнь более сознательно. В этом суть ее мудрости. Софья—Бирман, в отличие от Вассы—Бирман, правильнее понимает жизнь, любит ее, хочет и может жить. Но преобладающая температура ума в артистической индивидуальности С. Бирман над температуром чувства приводит к тому, что мудрость Софьи оказывается рефлексией. Рассудочность обращает весь спектакль, и хотя Антина, Лука, торжествует победу над испуением отказавшись от жизни, однако в спектакле это «бульчешское» звучание приглушено.

Иллюстрации художника В. Милашевского к книге А. Волкова «Чудесный шар», выпускаемой Детиздатом

РАЗДУМЬЕ И ДЕЙСТВИЕ

«ЗЫКОВЫ» В ТЕАТРЕ ИМ. ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

Занавес открывается... В переднем углу комнаты целовальникова дома, сипной к артебло, сидит Софья, углубившись в себя, молча размышляет она... И долго сидит так, пока не разозлится на сиею первые слова спектакля. Он начался...

Антипа Зыков, прогнав Павлу из своего дома, сидит, опустив голову на руки: углубившись в себя, молча размышляет он... И долго сидит так... Занавес закрывается.

Спектакль окончился...

Раздумье о жизни преобладает в нем над непосредственной жизнью, над действительным. С. Бирман показала спектакль не от Антонины, как у Горького, а от Софьи, и Софья повела от себя, от своего артистического таланта.

Софья — мудрость по-гречески, и Горький это имя дал сестре Зыкова сознательно: она умудряет своего брата, богато жизненной силой, как и Артамов старший, как Горев, как Егор Булычев... Антина — хозяйка жизни в доме Зыковых, его активная воля движет событиями. Когда же под тяжестью разрывавшейся драмы Антина чуть не сложилась, Софья своим разумом поддержала его. И он распрямился, сбросил с себя своих тяжкий груз совершенной ошибки... «Эх, жить будем», — восклицает Антина. Булычевский буйный дух мы чувствуем в этих словах.

В спектакле отношения Антонины в Софье не совсем такие.

Антипа Зыков, этот пра-Булычев, в исполнении талантливого и обязательного артиста В. Оленина выпрыгивается в четвертом акте, освобождаясь от засмеивающей тени, которой обделили его Анна Маркова и Целовальникова, мешачка не по зависти только, но по своему своему существу, и «святыня», «стихал, как змея», «смоника», дочь ее Павла. В. Оленин хорош в радости своей, когда почувствовал внутреннее освобождение, когда убедился, что не сломало его горе, им самим палинкаемое на его лом... Но то, что прехвещает этому заключительному моменту спичеческой жизни — его поведение в трех предыдущих актах, не вполне последовательное связано с этой кульминацией его жизни.

Антипа Зыков, этот пра-Булычев, в исполнении талантливого и обязательного артиста В. Оленина выпрыгивается в четвертом акте, освобождаясь от засмеивающей тени, которой обделили его Анна Маркова и Целовальникова, мешачка не по зависти только, но по своему своему существу, и «святыня», «стихал, как змея», «смоника», дочь ее Павла. В. Оленин хорош в радости своей, когда почувствовал внутреннее освобождение, когда убедился, что не сломало его горе, им самим палинкаемое на его лом... Но то, что прехвещает этому заключительному моменту спичеческой жизни — его поведение в трех предыдущих актах, не вполне последовательное связано с этой кульминацией его жизни.

Средоточивая в Софье не только ум, но и рефлексию, С. Бирман лишила иронию Михаила и Муратова, сделала глуповатым Хеврера, бурбоном — Тараханова, возторженио-пригуроватой — девчонку Степку... Р. Платт очень хорошо изображает глупо-самозверного прохвоста, который предлагает Софье «спасти Россию», обворовывая и грабя ее. Но Хеврера у Горького — прохвост умный, пинтиный и потому значительно более омерзительный.

Ум всех действующих лиц, сосредоточившись в одной Софье, обратился в рас-

«Историк - марксист»

Вышел из печати второй номер журнала «Историк-марксист». Журнал открывается двумя ранними статьями И. В. Сталина, впервые полностью переведенными с грузинского языка на русский. Эти статьи, являющиеся большим вкладом в сокращающийся марксистско-ленинский журнал, были напечатаны в газете «Пролетарские будни» («Борьба пролетариата») в № 7 от (14) сентября 1904 г. и в № 8 от (14) января 1905 г.

Первая статья — «Как понимать социал-демократия национальный вопрос?». В ней товарищ Сталин, обосновав и разъясняя программу партии по национальному вопросу, подвергает сокрушительной критике оппортунистический принцип национального размежевания пролетариата. Выступая как крупный теоретик, мастерски владея марксистским диалектическим методом, товарищ Сталин дает в народное дело, развитие позднее в его работе «Марксизм и национальный вопрос».

Обоснованию и защите ленинских организационных принципов партии нового типа посвящена вторая статья товарища Сталина — «Класс пролетариата и партия пролетариата». Развивая положения, изложенные Лениным в его работе «Шаг вперед, два шага назад», товарищ Сталин пишет в этой статье: «Мы должны бороться крайне бдительными и не должны забывать, что наша партия есть крепость, верою которой открываются лишь для достойных».

В журнале помещены также статьи: А. Сидорова — «Начало первой буржуазно-демократической революции в России», С. Черноморкина — «Сталин и коллективизация», окончание статьи С. Захарова «Англия во время первой империалистической войны». Раздел статьи — «Ллойд-Джордж у власти», «Рабочий класс и война» и другие насыщены богатым фактическим материалом. В виде итога, автор заканчивает статью словами Ленина из «Государства и революции» о том, что «Англия и Америка, крупнейшие и последние — во всем мире — представители англо-американской «свободы» в смысле отсутствия военных и бюрократических, скапливая вполне в общевоспримчивом, кровавом болоте бюрократическо-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих». Это было сказано о войне 1914—1917 г.

С. Найда написал статью «Процесс 62 матросов Балтийского флота» на основе архивных материалов и воспоминаний бывших матросов и командиров — свидетелей этих событий во флоте. Все описанные события, документы судебного процесса показывают, как революционное движение во флоте было неразрывно связано с пролетарским движением в стране. Большой интерес представляет статья Б. Поршнева «Чем было «стрелье» солдаты Франции XVII века?», являющаяся очередной из серии статей в книге авторства о народных восстаниях в Нормандии и Бретани в XVII веке.

Обзор международных отношений на Дальнем Востоке в 1918—1929 гг. читатель найдет в статье А. Гальперина. В. Миропевский в работе «Екатерина II и Франсиско Миралес» освещает вопрос о международных связях испано-американских сепаратистов в XVIII веке.

Критико-библиографический отдел представляет обзор литературы за 60-летие товарища Сталина и статьи Д. Баевского о книге Мительмана, Гелова и Ульянского «Форпост революции» (история Путиловского завода), рецензиями М. Тихомирова о книге академика Б. Грекова «Киевская Русь», В. Пичета, К. Зельмана, Валандина и др.

В заключение дан раздел «Исторические заметки» со статьями Н. Воронина и М. Шанина, хроника и подборка «Историческая наука за рубежом».

Советское литературоведение за год

В конце февраля состоялась очередная сессия отделения языка и литературы Академии наук СССР. Секретарь отделения академик И. Мецианинов выступил с докладом об итогах научно-исследовательской работы за прошлый год.

Громадную культурную задачу выполнили лингвистические институты. Новый алфавит на основе русской грамматики был разработан в прошлом году для Якутии, Бурят-Монголии, Татарии и Башкирии. Составлены грамматики: грузинская, армянская, турецкая и для ряда языков народов СССР, до сих пор совершенно не исследованных (кабардинский, аварский, курдский, лугано-марийский, нальский).

Подготовлен проект свода орфографических и пунктуационных правил. Закончен и сдан в печать первый том словаря русского литературного языка. Богатым источником познания истории русского языка и народа является начатое сейчас изучение народных говоров русского языка.

Первой ступенью для изучения диалектов народов СССР является законченный Институтом языка и лингвистики атлас русского языка. Создано большое количество словарей для народов СССР и зарубежных стран Востока. Значительным культурным вкладом является окончание Институтом составления алоно-русского словаря.

Значительно продвинулась вперед в прошлом году работа по истории русской и всемирной литературы. Статьи в производство и напечатаны в выпуске в этом году 1-й и 3-й томы истории русской литературы. Томы 2-й, 4-й, 5-й и 6-й уже закончены и утверждены главной редакцией. Закончен также истории французской, германской, английской и испанской литературы.

Значительное место в работе литературных и лингвистических институтов за прошлый год заняли теоретические труды. Так, подготовлены сборники статей о буржуазных концепциях в отдельных отраслях знания. Большой интерес представляет подготовленный Институтом язык и лингвистики в сотрудничестве с Украинской академией сборник «Борьба с полонизмом в украинском и белорусском языках».

Доклад академика И. Мецианинова о работе отделения и его бюро вызвал серьезные критические замечания. Бюро отделения, заявил академик И. Мецианинов, работает без плана, не осуществляя должного научного руководства институтами. Чрезвычайно важно, чтобы отделение умело вовремя сказать свое решающее слово по важнейшим научным проблемам в области языка и литературы. Почему бы, например, отделение не заинтересоваться происходящей сейчас дискуссией на литературоведческом фронте?

И. Мецианинов, в частности, указал, что бюро недостаточно активно привлекает к работе академиков-писателей М. Шолохова и А. Толстого. Проф. И. Яковлев считает, что в докладе нужно было остановиться не столько на количестве, сколько на качестве проделанной работы.

В обсуждении доклада приняли участие также С. Обносков, А. Бараников, В. Жуковский, П. Семенов-Тягелевский, В. Петросов, М. Венгров, В. Шиммарев и Н. Мещеряков. Ленинградский институт литературы приступает к работе над историей итальянской литературы. Сообщение о программе итальянских томов сделано на сессии член-корреспондент академии В. Жириковский.

Программа отводит значительное место (около трети всего труда) истории литературы итальянского Возрождения. Проф. Ш. Нугубидзе возражал против тезиса программы, что «Италия — родина Возрождения», указывая, что полнотой родины Возрождения являются страны Востока — Аравия, Византия, Грузия. По его мнению, в истории итальянской литературы необходимо отметить влияние византийского Возрождения на Италию.

Программу истории итальянской литературы, заканчивающуюся 1914 годом, решено дополнить главой о современной итальянской литературе. В порядке ознакомления с законченной историей французской литературы сессия заслушала чтение отдельных глав.

А. Смирнов прочитал написанную им главу «Французский героический эпос и «Песня о Роланде», С. Мокунский — главу о Расине и К. Державин — главу о Руссо.

«БАТАРЕЙЩИ» В. ШУРЫГИНА

Писатель В. Шурьгин (Смоленск) закончил недавно большой роман о гражданской войне «Батареи». Сам активный участник гражданской войны, автор рассказывает историю одного дивизиона, ухитрившегося выжить в условиях военных действий. Предание делу революции бойцы и командиры рвутся защищать родину от колчаковских банд, но усилиями троцкистов и дисервантов оказываются загнанными в тыл действующей армии.

Роман этот, над которым писатель работал два года, обсуждался недавно на заседании бюро областного комитета СП СССР и вызвал оживленные и интересные прения. Все выступившие подчеркивали, что не надо знать биографии Шурьгина, чтобы читать этот роман, чувствовать все рассказанное и пережить самим автором. Активная и глубокая причастность к описываемым событиям сообщает произведению большую непосредственность, личностность, наполняет его живой жизнью.

Л. Мышкова находит, что в книге есть лирические бытовые наблюдения. Жалко только, что автор так скупо пользуется этой своей способностью замечать живые детали. А. Караваева подчеркивает, что Шурьгину свойственен эмос, оптимизм. Его герой в тяжелых условиях гражданской войны не теряет бодрости духа. Анализируя отдельные образы, Л. Мышкова, А. Караваева, Н. Никитин указали, что герой произведения Лутанин, при всей любви к нему автора, не вполне удался ему. Он написан как бы одной краской. Он слишком совершенен, непогрешим, слишком законченный положительный тип, лишенный всяких противоречий. Это делает его несколько примитивным, простым, в особенности при сравнении его с Павловским, влюбленным и умным врагом, которого автор, по которому, к сожалению, не хватает биографии.

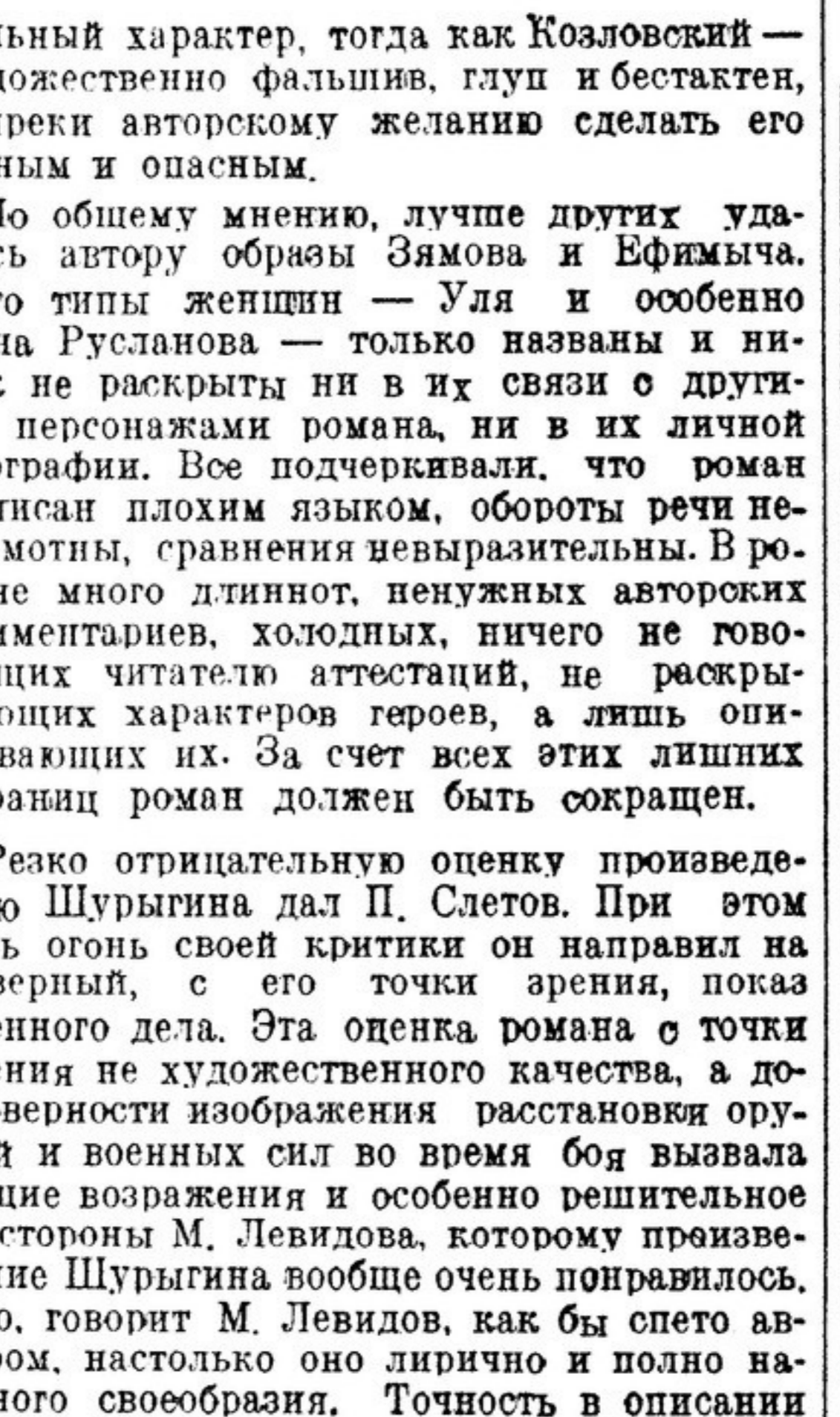
С этой оценкой полемизирует А. Лейтес, который считает, что Лутанин задуман и разрешен хорошо. Это — прямой, честный, искренний человек, тогда как Коалковский — художественно фальшивый, глуп и бедненький, вопреки авторскому желанию сделать его умным и осязным.

По общему мнению, лучше других удалось автору образы Зимова и Ефимкина. Зато типы женщины — Уля и особенно Явца Русланова — только названы и никак не раскрыты ни в их связи с другими персонажами романа, ни в их личной биографии. Все подчеркивали, что роман написан плохим языком, обороты речи неграмотны, сравнения невыразительны. В романе много длинных, ненужных авторских комментариев, холодных, ничего не говорящих характеристик героев, не раскрывающих их. За счет всех этих лишних страниц роман должен быть сокращен.

Резко отрицательную оценку произведению Шурьгина дал П. Слетов. При этом весь огонь своей критики он направил на неверный, с его точки зрения, показ военного дела. Эта оценка романа с точки зрения не художественного качества, а достоверности изображения расстояния орудий и военных сил во время боя вызвала общие возражения и особенно решительные со стороны М. Левилова, которому произведение Шурьгина вообще очень понравилось. Оно, говорит М. Левилов, как бы спето автором, настолько оно лично и полно народного своеобразия. Точность в описании военных деталей не имеет никакого значения, если вещь эмоционально воздействует на читателя. Но главный недостаток Шурьгина, по мнению М. Левилова, в том, что автор не написал как бы двумя перьями: пейзаж и описание отдельных эпизодов — хорошо. Как только дело доходит до психологического раскрытия образа, авторских пояснений, все философствования становятся предельно наивными и примитивными.

В прениях выступили также М. Эгарт и Н. Рыленков (Смоленск), редактирующий книгу В. Шурьгина.

Памяти В. Р. Гриба

Умер Владимир Романович Гриб. Смерть вызвала из наших рядов талантливого ученого-большевика. В. Р. Гриб был выдающимся историком литературы, образованным критиком-марксистом. Его работы о Лесковом и Бальзаке — лучшие из имеющихся в нашей литературе. Творческое применение марксистско-ленинской теории и большая культура отличают все, что писано В. Р. Грибом. Несмотря на свою молодость, он обладал большим педагогическим опытом и пользовался любовью студенчества.

В. Р. Гриб был человеком необыкновенно требовательным к себе, личным примером он учил бескорыстной преданности науке, подвизавшемуся труду. Это был подлинно большевистский характер, преданный сын партии, непримиримый боец, верный товарищ, надежный друг.

Т. Лурье, Мих. Лифшиц, Е. Успенский, П. Юдин, И. Сац, В. Кеменис, Георг Лукач, И. Верман, М. Розенталь, В. Александров, Л. Рейнгардт, Л. Денисова, А. Лебедев, Ф. Левин, Р. Линцер, Г. Фрилендер, В. Гоффеншфер, Л. Пинский, И. Фадкин, А. Штейн, Г. Банданин, З. Балецкий, М. Егоров, Б. Бархаш, В. Колпаковский, Л. Коган, Г. Лифшиц, П. Штительман, А. Гурвич, Ю. Юзовский, А. Роскин, А. Мацкин, М. Левилов, Л. Боровой Н. Чатунова и др.

Доступ к телу В. Р. Гриба открыт 5 марта с 11 ч. утра до 3 ч. 30 мин. дня в помещении Союза советских писателей (улица Ворского, 52). Гражданская панихида состоится 5 марта, в 1 ч. 30 мин. Выноса тела в 3 ч. 30 мин. Кремация — в 4 ч. 40 мин. Комиссия по похоронам

Хроника Решением президиума ОСП СССР восстановлен в правах член союза писателей критик Е. Трошечко. Избрано новое бюро секции мастеров художественного слова Всероссийского театрального общества. Почетным председателем бюро единогласно избран народный артист Союза ССР Василий Иванович Качалов. Заместителями председателя — заслуженный деятель искусств Сурен Кочарян и лауреат 1-го всесоюзного конкурса мастеров художественного слова Вл. Яхонтов; ответственным секретарем избран Ф. Фортунатов и членами бюро — народная артистка РСФСР В. Турчанникова, лауреат 1-го всесоюзного конкурса мастеров художественного слова С. Балашов, заслуженный артист республик И. Засоский, лауреат 1-го всесоюзного конкурса мастеров искусств Н. Эфрос, И. Блинов, С. Валерин, Н. Гончарова, Ф. Коган, артистка театра им. Вахтангова В. Львова, проф. Л. Тимофеев и С. Шервинский.

Приглашением Союза советских писателей Кабардино-Балкарской АССР создана комиссия по проведению 100-летия со дня гибели М. Ю. Лермонтова. На днях правлением СП утверждён широкий план проведения юбилея. Намечено, в частности, перевести на кабардинский и балкарский языки: «Герой нашего времени», «Кавказский пленник», «Намал-бей», «Демон» и ряд других произведений поэта.

К 10-летию со дня смерти В. В. Маяковского Ростовское областное книгоиздательство готовит выпуск сборника «Маяковский в Ростове-на-Дону».

Литературный календарь

Д. И. Стахеев В феврале 1940 году исполнилось 100 лет со дня рождения русского писателя и этнографа Дмитрия Ивановича Стахеева. Сын купца-миллионера, Дмитрий Иванович двенадцать лет ушел из дома отца и уехал вместе с женой и ребенком на Амур. Где решил заняться хлебопашеством. Поездка в Сибирь не принесла ему счастья: его участок затопило во время разлива Амура, и без всяких средств к жизни он вернулся в Петербург.

В Петербурге и начался литературная и этнографическая деятельность Стахеева. В 1865 году на страницах «Русского слова» появились первые его произведения — «Хваста (рассказ моего знакомого)» и «Юбка буржуйского жителя».

Уже эти первые произведения, проникнутые бытовым духом, показывали большую наблюдательность автора, великое знание им тяжелого быта «малых» народов, населяющих Россию. В последующие годы Стахеев печатался в «Енисее» Курочкина, где вел провинциальный отдел, в «Отечественных записках» Некрасова, в «Литературной библиотеке» и т. д.

В своих повестях («Наследник» и другие), в своих сборниках рассказов, очерков, бытовых сцен — «На память многим» и «Глухие места» Стахеев беспощадно обличал царизм, господствующие классы русского общества.

В повести «Наследник» он писал: «Гривательно подумать, до чего может дойти человек, играя в христианское смирение. Подумайте, эти люди, изнывающие от своих грехов и говорящие только о суете мира, владеют несметными богатствами и знают ничто, не хотят о том, что работает на них народ, что этот народ, считающийся миллионом, в кровавую поту выработывает себе кусок насущного хлеба и жрет в неуспокойные годы с голодом».

В 1902 году издательство Вольф выпустило полное собрание сочинений Д. И. Стахеева. Умер Дмитрий Иванович в Ялте 16 марта 1918 г.

«Рассказы» Шолом-Алейхема Государственное издательство детской литературы ЦК ВЛКСМ вывело для детей старшего возраста сборник избранных рассказов Шолом-Алейхема. В книге помещены рассказы «Юшки», «Часы», «Обращенный праздник», «Рабчик», «Мафусаил», «Скрипка», «Юна» и «Три головки».

Сборнику предпослан биографический очерк У. Финкеля. Перевод рассказов с еврейского В. Черника под редакцией Р. Рубинной. Иллюстрирована книга рисунками художника Ф. Полидиук.

Письмо в редакцию При союзе советских писателей Крыма организованы юбилейный комитет памяти узбекского классика Алишера Навои и азербайджанского классика Низами. Юбилейными комитетами были посланы телеграммы в Ташкент и Баку с просьбой выслать русские подстрочные переводы произведений этих классиков, а также подлинных тексты их произведений. Последняя просьба диктовалась тем, что перевод на крымско-татарский язык непосредственно с узбекского и азербайджанского языков облегчается и морфологической и лексической близостью этих языков. Не только долгое время ответа от узбекского и азербайджанского комитетов, крымские юбилейные комитеты еще раз обратились с письмом об ускорении высылки материалов. Ответа опять не последовало.

Тогда крымский юбилейный комитет памяти Навои обратился в руководящую партийную организацию Узбекистана с просьбой оказать содействие в получении необходимых материалов из Узбекского правительственного юбилейного комитета Навои. Только после этого узбекский комитет выказал некоторые признаки жизни и прислал в СП Крыма телеграмму с клятвенным заверением выслать материалы не позже 10 февраля.

По самым приблизительным расчетам, почта из Ташкента должна была бы прийти не позже 20 февраля, но уж кончился февраль, а никаких материалов нет и не видно никаких признаков жизни. Точно так же обстоит дело с азербайджанским юбилейным комитетом памяти Низами, несмотря на все его горячие обещания своевременно выслать необходимые материалы.

Шамиль АЛЯДИНОВ, Амди АЛИМ, ДЖАМАНАЛЫ

Одноактные пьесы П. Яльцева

П. Яльцев — автор четырех сборников одноактных пьес, в которых собрано свыше 30 драматических новелл и маленьких пьес. Его пьесы популярны, их ставят самодельные кружки клубов и военных частей. Творчество Яльцева обсуждалось недавно в клубе писателей.

Подробно рассматривая пьесы П. Яльцева, А. Гелов отменил несомненный рост драматурга. Почти все герои пьес Яльцева — советские служащие, в повседневных делах которых автор удалявал новые, социалистические отношения. К лучшим пьесам Яльцева, по мнению Гелова, относятся «Аня», «Ночь», «Праздник».

Существенным недостатком одноактных пьес Яльцева тов. Гелов считает однообразие художественных приемов и языка. Писатель резко ограничил круг тем и сюжетов — почти половина его произведений посвящена проблеме — любовь и долг. Об этих недостатках говорит и тов. Либман (Дом народного творчества), который находит, что все герои пьес Яльцева однотипны — в разных ситуациях и разных профессиях выступают одни и те же люди.

Тов. Алензатин (Заочные театральные курсы) отмечает еще один серьезнейший недостаток — в пьесах нет полнокровного ощущения жизни, в интересных ситуациях не ощущается жизнерадостности советских людей.

Недостатки пьес Яльцева тов. Розин (режиссер самодельного театра) объясняет тем, что драматург не видит своих произведений на сцене. Он работает изолированно, не слышит авторитетной критики, не получает творческой помощи.

В. Г. Пейзаж художника В. В. Мешкова (масло).

Драматические произведения В. Кюхельбекера

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель» в ближайшем для выпуска в большой серии «Библиотека поэта» второй том избранных произведений В. Кюхельбекера.

Во втором томе помещены: трагедия «Архиван», три части мистерии «Игорский», из которых последняя часть печатается впервые по Беловому автографу; трагедия «Проклятый Яннузон», драматическая сказка «Иван, купечий сын», печатаемая впервые по Беловому автографу; и драма «Архилох», которая также печатается впервые.

Первый том этого издания, в котором были напечатаны избранные стихотворения и поэмы, вышел в 1939 году. Редакция и примечания принадлежат Ю. Тынянову.

Эпос башкирского народа Разнообразен и красочен фольклор башкирского народа. Обитая на горных склонах южного Урала, башкирский народ сталкивался с различными народами, приходившими и вновь уходившими с Урала. В течение многих веков с оружием в руках вел он борьбу против нашествий завоевателей, затем против колонизации помещиков и купцов. Обо всем этом красочно рассказывает устное поэтическое творчество, лучшим образцом которого — замечательный эпос «Идукай и Муралым».

В первой половине XIII века Восточная Европа была завоевана татаро-монголами. В 1235 году хан Батый разгромил союзное с Башкирией Вугларское ханство (на территории теперешней Татарской республики). Жесткой завоевательной оказалась и башкиры.

Как и великий русский народ, народы Поволжья и Средней Азии вели беспрерывную борьбу против нашествий. В процессе этой борьбы и сложился башкирский эпос «Идукай и Муралым».

События, описываемые в этом эпосе, относятся ко второй половине XIV и началу XV века, когда ханом Золотой Орды был коварный Тохтамыш. Во время ханства Тохтамыша в Башкирию жил молодой Идукай-батыр. Когда Идукай достиг 16-летнего возраста, его отец Тукляк, чтобы испытать ум и находчивость сына, заложил ему сложную задачу: по Идукай тут же отгадал ее. Тукляк сватает сыну самую красивую де-

«Идукай и Муралым»

черя, дать золотую телегу и лучших коней, соборью шубу, охотничьих птиц и много-много другого богатства. Но Идукай от всего отказывается. Они с сыном поспевают на службу к другому хану и там вскоре получают заслуженную славу как отважные герои в войнах. Но они любят свою родину, славят ее и готовы за нее сложить головы.

Терять свою родину равно смерти: Высокая гора умирает, Когда серый туман ее застилает. Черная земля умирает, Когда белый снег ее покрывает. Быстрая река умирает, Когда зеленый лед ее одевает, Храбрый легион умирает, Когда его родина враг зажимает.*

И, собрав силы, Идукай и Муралым идут войной против хана Золотой Орды. После разгрома хана батыры навсегда возвращаются в Башкирию. «Идукай и Муралым», являясь одним из древних произведений устного поэтического творчества, оказал большое влияние на дальнейшее развитие народной поэзии. Среди башкирских батырей, выходящих из народа, борющихся за его счастье, не было такого, который бы не воспевался в песнях, о котором не была бы создана легенда, а иногда и большое эпическое произведение. И сегодня звучат бодро и свежо песни о Бурабике, Параскаке, Илан-Иркай, особенно об отважном батыре пугачевских времен Сатават Юлаеве. В этих же песнях прокладываются протопы народа, помогающие посылать башкирские востания — Тевкелевы, Кулу и др. Образы героев-батырей пещы (Ипры) всегда сблизались в своих песнях с образами Идукай и Муралым.

С развитием в Башкирии после Октябрьской революции, Идукай и Муралым стали популярными героями для детей. В 1927 году в Уфе вышел перевод А. Ромца.

Литературные организации Башкирии должны начать собирать, исследование и публикацию эпоса.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Последний пер., д. 26, тел. отделов: критики, информационного, иностранного, писем и иллюстраций — К 4-46-19; партийного, литературы народов СССР, детской литературы, искусства — К 4-34-60.

ИЗДАТЕЛЬ: издательство «Советский писатель», Москва, Б. Гнездяковский, 10.

Письмо в редакцию

При союзе советских писателей Крыма организованы юбилейный комитет памяти узбекского классика Алишера Навои и азербайджанского классика Низами. Юбилейными комитетами были посланы телеграммы в Ташкент и Баку с просьбой выслать русские подстрочные переводы произведений этих классиков, а также подлинных тексты их произведений. Последняя просьба диктовалась тем, что перевод на крымско-татарский язык непосредственно с узбекского и азербайджанского языков облегчается и морфологической и лексической близостью этих языков. Не только долгое время ответа от узбекского и азербайджанского комитетов, крымские юбилейные комитеты еще раз обратились с письмом об ускорении высылки материалов. Ответа опять не последовало.

Тогда крымский юбилейный комитет памяти Навои обратился в руководящую партийную организацию Узбекистана с просьбой оказать содействие в получении необходимых материалов из Узбекского правительственного юбилейного комитета Навои. Только после этого узбекский комитет выказал некоторые признаки жизни и прислал в СП Крыма телеграмму с клятвенным заверением выслать материалы не позже 10 февраля.

По самым приблизительным расчетам, почта из Ташкента должна была бы прийти не позже 20 февраля, но уж кончился февраль, а никаких материалов нет и не видно никаких признаков жизни. Точно так же обстоит дело с азербайджанским юбилейным комитетом памяти Низами, несмотря на все его горячие обещания своевременно выслать необходимые материалы.

Шамиль АЛЯДИНОВ, Амди АЛИМ, ДЖАМАНАЛЫ

Дирекция, партбюро, комитет ВЛКСМ, профком и местком МИФЛИ им. Н. Г. Чернышевского

с глубокой скорбью извещают о безвременной кончине талантливого молодого ученого Владимира Романовича ГРИБА, последовавшей 3 марта сего года.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ И АСПИРАНТЫ КАФЕДРЫ ВСЕОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ МПИИ с глубокой скорбью сообщают о преждевременной смерти выдающегося молодого ученого Владимира Романовича ГРИБА, члена нашей кафедры, и выражают соболезнование семье покойного.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИФШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ о глубокой скорбью извещает о безвременной кончине талантливого критика и литературоведа Владимира Романовича ГРИБА, последовавшей после тяжелой болезни.

ДИРЕКЦИЯ, ПАРТБЮРО, КОМИТЕТ ВЛКСМ, ПРОФКОМ И МЕСТКОМ МИФЛИ им. Н. Г. Чернышевского с глубокой скорбью извещают о безвременной кончине талантливого молодого ученого Владимира Романовича ГРИБА, последовавшей 3 марта сего года.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ И АСПИРАНТЫ КАФЕДРЫ ВСЕОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ МПИИ с глубокой скорбью сообщают о преждевременной смерти выдающегося молодого ученого Владимира Романовича ГРИБА, члена нашей кафедры, и выражают соболезнование семье покойного.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИФШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.